

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ВАЛЕНТИНА САВЕНКО

ХОД КОЛДУНЬИ

Валентина Алексеевна Савенко

Ход колдуньи

Серия «Академия Магии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69663361

Ход колдуньи: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-192029-6

Аннотация

Четыре года учебы коту под хвост! И все потому, что кто-то из предков Мартины умудрился вместо щедрых чаевых за отличные ткани получить проклятие. Прощай диплом и нормальная жизнь! Да здравствует уютный домик и одиночество.

Нет уж. К бесу ваш домик! И пусть говорят, что в институте темных не место такой, как Мартина. Что бытовая магия не то, чем можно воевать с нежитью. А добиться личной аудиенции императора непросто даже самым лучшим из темных боевых магов. Мартина точно не собирается отдавать свою жизнь и мечту. Главное – не убить одного темного, с которым у нее внезапно появилась общая тайна... и, кажется, не только она.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	30
Глава 3	51
Глава 4	68
Глава 5	90
Глава 6	110
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Валентина Савенко

Ход колдуньи

© Савенко В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ВАЛЕНТИНА САВЕНКО

**ХОД
КОЛДУНЬИ**

МОСКВА

Глава 1

Темные всегда ходят первыми и выигрывают. Мы об этом знали. Но все равно ползли по присыпанной весенним снежком траве к светлому будущему в виде конца полосы препятствий.

Стадион радостно ревел. Горожане, которых ректор заманил обещанием зрелища, требовали зрелища вместо стайки плетущихся к цели студентов. Адепты Высшей школы бытовой и прикладной магии поддерживали нас бодрым свистом и воплями, радуясь, что это не они сейчас лежат под сеткой.

А мы, четверка счастливиц, три девушки и один парень-заучка, не успевшие сбежать от ректора, продолжали осваивать новую и неизвестную ранее нам профессию доморощенного разведчика.

Вокруг наших распластанных под сеткой тел вился целый рой магических линз, сияющих солнечными бликами. В небе, над чашей стадиона, маячила проекция, показывающая происходящее на полосе препятствий во всех красках и оттенках.

Оттенки были преимущественно серые, цвета грязи на арене. Моя шевелюра, каштановые волосы с тонкими синими прядями на концах, почему-то особенно понравилась репортерам. На проекции снова мелькнуло мое лицо, голубые глаза на сером фоне смотрелись на удивление сочно.

И опять появился мой затылок.

– Давай руку! – Перед моим испачканным носом появилась мужская ладонь.

Оторвавшись от созерцания своего позорного ползания на небесном экране, я с удивлением заметила, что наши противники, четыре темных... тeneвых боевых мага, не торопятся пересекать финишную прямую. А вытаскивают из-под сетки моих товарищей.

Руководил ими русоволосый тeneвик, волосы которого были стянуты на затылке в короткий хвост, а на зеленой куртке не имелось ни одного пятна, словно он не полз по полосе препятствий до нас, а гулял по стерильной лаборатории.

В васильковых глазах плескался смех, на подбородке у тeneвика была ямка. Но только она ничуть не смягчала его облик. Парень был высоким, гибким и чем-то напоминал змея.

Вцепившись в его руку, я выползла из-под сетки. С завистью покосилась на его чистую куртку. Цвет нашей команды, светло-коричневый, канул под слоем не очень лечебной грязи со стадиона.

– Не бойся, не съем. – Тeneвик легко коснулся пальцем синей пряди у моего лица, покосился на трибуну, занятую нашим курсом. Темные брови вопросительно дрогнули.

Легкой полосатостью прически щеголяла не только я. Однокурсники, главные трибунные соловьи, также имели разную степень покраса во все оттенки синего.

– Командный дух! – буркнула я, пытаясь ладонью стереть

со щеки незапланированную грязевую маску.

Именно из-за повышенной пестроты я не узнала, что ректор не собрал команду и открыл сезон охоты на студентов. Хорошая у моих однокурсников память...

А я ничуть не виновата, между прочим!

Преподаватель курса производственных заклинаний сам предложил поставить отлично всему курсу, если хоть кто-то разберется с испорченным артефактом для покраски тканей. Я разобралась. Мне не поверили. И потребовали проверить. Я сразу предупредила находящихся в лекционном зале, что проводить демонстрации и тем более следить за ней лучше, надев специальный костюм. Ну или из-под стола. Мне снова не поверили. Результат недоверия одноклассников и упрямства преподавателя: отлично покрашенный потолок аудитории и головы всех, кто там был, включая нашего упертого поводыря на пути науки.

В итоге наш курс внезапно стал лучшим по успеваемости по производственным заклинаниям. И самым приметным в том плане, что краски в артефакте оказались повышенной стойкости. Бриться и носить парики никто не стал, общаться со мной тоже.

Я не сильно расстроилась.

Как оказалось, зря.

– Господа адепты, немедленно прекратите нарушать правила! – разнесся над стадионом усиленный магией голос судьи.

– Уже прекратили! – Теневик демонстративно поднял руки и даже отступил от меня.

А потом прогулочным шагом направился к деревянной лестнице, стремящейся к сизым облакам. Последнему препятствию на пути к финишу. Препятствию, которое его команда уже преодолела. Дважды. Первый раз, когда оторвалась от нас, буйных черепашек на прогулке, и второй – когда под руководством русоволосого теневика решила вытащить нас из-под сетки.

Неужели третий раз полезут?

– Держись левее. – Русоволосый теневик обернулся ко мне, хитро улыбнулся и запрыгнул на лестницу. – Удачи, мышка!

– Удачи, змей, – не осталась я в долгу.

Пара секунд – и наши противники уже были по ту сторону препятствия. Но финишную черту пересекать не спешили. Словно знали, что ректор, выдвигая нас в ряды команды, выдвинул «чудное» в своей простоте требование: стоять до последнего адепта. Или сдавать уже сданную сессию до следующей весны. Потому как ректор имеет полное право усомниться в выставленных оценках.

А все потому, что раньше Высшая школа бытовой и прикладной магии ни разу не попадала в Императорские магические игры. Их победители получали награду лично из рук императора и могли обратиться к нему с одной просьбой.

Это великая честь...

Но школа не просто не попадала. Даже стадию подачи документов на участие не проходила! А тут вдруг невероятное везение: нас приняли в отборочный тур.

Правда, на этом везение и закончилось.

Нашими первыми противниками были адепты Института теневой и боевой магии. Те самые, что пять раз побеждали в Императорских магических играх.

Неудивительно, что желающих повоевать за имя школы не нашлось. Нас бодро выловил ректор, пройдясь по спискам студентов, коридорам, кладовкам и подсобкам. Меня отыскали в столовой, я как раз хотела отметить пирожком закрытие сессии. А пришлось отмечать начало собственной деятельности на благо школы. Меня приволокли на арену последней, после представления команд. Чуть позже на трибуны просочился весь мой курс. Но мне это никак не могло помочь: господин Крам, он же ректор, лично записал меня на место участницы, подхватившей редкую простуду левой пятки и озарение первого центра хитрости в голове.

Итог: три девицы и один зубрила-парень выступили дружным фронтом. Мысленно проклиная ректора и его методы. Выступили против темных боевых магов.

Страшный сон и для нас, и для них. Потому что бытовая и прикладная магия – не то, чем можно воевать. А теневикам непонятно, что делать, чтобы случайно не уменьшить наше количество и не загреметь в тюрьму.

И теневики нашли выход: решили нам помочь.

– Адепты Института теневой и боевой магии – два штрафных балла! – прогудел судья. – Высшая школа, вы долго будете стоять у стены? Вы сюда не на митинг вышли!

Мы нестройно ответили: «Нет!» И поползли вверх по лестнице. Свалились с другой стороны и под редкие хлопki переступили финишную линию вслед за теневиками.

Судья торопливо объявил о победе теневиков и о начале перерыва перед вторым этапом соревнований. На нем нам предстояло показать, как мы работаем в команде.

Наша «команда» расползлась отчищаться от лечебной грязи стадиона под радостный голос ректора, усиленный магией. Господин Крам решил воспользоваться тем, что на трибунах, кроме горожан, сидят почти все адепты нашей школы, и напомнил, что «хвостатым» студентам в их рядах не место, и он вот-вот подпишет приказ на отчисление, один на всех, чтобы не тратить свое драгоценное время. После этого бодрого вступления он перешел к сладкому: к программе обмена студентами.

Из-за этой программы, внезапно свалившейся на нашу школу вслед за участием в Играх, у нас резко возросло количество состоятельных адептов. Из тех, кто не мог поступить в Институт теневой магии напрямую и решил попасть туда обходным путем, через нашу школу. Ректор с удовольствием их принимал и вписывал в список обменных студентов за умеренную плату. Без платы попасть туда можно было лишь чудом. Или прославив имя школы. Но пока никто

славить его не спешил. Где боевая магия и где наши вполне безобидные бытовые заклинания?

Оставив на очистителях в уборной грязь и часть краски с ткани куртки, я вышла в тамбур под трибунами.

– Эй, Леннет, там тебя отец ждет! – выпалил однокурсник, пробежавший мимо, махнув рукой в сторону коридора, ведущего к выходу со стадиона.

Папа тут?

Взволнованно пригладив волосы, я заспешила по коридору.

Господин Леннет был весьма занятым человеком. Его чаще видели партнеры по торговле тканями, директора его пяти фабрик по их же производству, чем домашние. Мама, домоседка на все сто пятьдесят процентов, была в полном восторге от такого положения вещей. Мой старший брат – тоже. Он стал точной копией отца и к двадцати годам успел дорасти до должности его помощника. Младшая сестра вообще такими вещами не заморачивалась. Милая и непоседливая Ненси напоминала беззаботную бабочку.

А я... Я была как бы приложением к брату. Случайным. Мы с ним близнецы.

Все, что от меня требовали, – не позорить имя отца. Чем я занимаюсь, чего достигла, принималось родными с равнодушной улыбкой.

И тут вдруг папа пришел. Без предварительного письма с приглашением на встречу. Не связался по линзе, чтобы

экономить драгоценное время. Да он даже на день рождения, который был месяц назад, прислал курьера с подарком и поздравительной открыткой!

Коренастая фигура отца маячила в паре шагов от входа. Рыжие волосы пламенели над пушистым воротником пальто.

– У меня серьезный разговор, Мартина. – Отец стряхнул с усов снежинки, подхватил меня под локоть и отвел в глубь тамбура.

– А у меня соревнования, – напомнила я.

– Это ненадолго. – Он вытащил из кармана прозрачную пирамиду, записывающий артефакт, и вручил мне.

Отец любил записывать пояснения. Так ему было проще. Сказал суть, остальное посмотришь сама.

Я спрятала ее в карман куртки.

– В чем дело, пап?

Отец вынул диск с синими каплями кристаллов на поверхности и активировал защитную пленку, скрывающую разговоры от желающих подслушать.

– Ты никогда не задумывалась, почему, если второй ребенок наследника нашего рода – дочь, то она всегда ведет уединенную жизнь? – Рыжие кустистые брови отца сошлись на переносице.

Я пожала плечами. Не задумывалась. Честно говоря, дочерей, которые были вторыми детьми, у наследников нашего рода раз-два и обчелся.

– В нашей семье не просто так избегают рождения вторых детей-девочек. Все дело в семейном проклятии. – В голубых глазах отца промелькнуло что-то смутно напоминающее сожаление. – Ты второй ребенок, Мартина, и ты девочка. Мы очень надеялись, что ты родишься первой. Но ты вторая. И ты его унаследовала. Это проклятие заставляет всех, кто с тобой рядом, говорить правду. Первые признаки проклятия начнут проявляться через тридцать четыре дня после твоего совершеннолетия.

Совершеннолетия? Двадцать лет мне исполнилось месяц назад... или больше? Или все же немного меньше?

– ...Сила проклятия будет расти, – совершенно будничным тоном продолжал отец, пока я пыталась подсчитать дни. – Через месяц, в лучшем случае – три, ты не сможешь находиться рядом ни с одним человеком.

– Почему? – Новости о проклятии категорически не желали укладываться в голове. – Что плохого в правде?

– Правда не всегда нужна, – уклончиво ответил отец. Показал на карман моей куртки, намекая, что подробности там. – Приготовься, в конце месяца ты переведешься на домашнее обучение. Переедешь в тихий уединенный домик, где получишь все, что нужно для нормальной жизни.

Все, кроме жизни.

Я подавилась смешком. Вот всегда так! Где надо рыдать, меня на смех тянет.

– И все? Домик – и все? – Я справилась с рвущимся на-

ружу хохотом.

Прощай еще год учебы в школе и диплом? Хотя нет, не прощай – да здравствует домашнее обучение! И домик! Ну а что, четыре года очно поучилась, побегала на свободе, пора в клетку... Домик.

– А как насчет того, чтобы найти способ снять проклятие? Хотя бы попробовать? – В мыслях мелькали сотни догадок и предположений.

– Все, что можно, перепробовали до тебя, – сухо отрезал отец. – И проклятие все еще с нами. Делай вывод.

Делаю. Им все равно, что будет со мной. И это обидно!

– Я никуда не перееду и школу тоже не брошу, – ответила я тихо.

– Мартина, это глупо, – поморщился отец. – Видимо, мы зря давали тебе столько свободы. Надо было быть строже. Если откажешься, останешься без денег на карманные расходы.

Я все же хихикнула. Прижав пальцы к губам, с грустью посмотрела на раздраженного отца:

– Пап, не хочу тебя расстраивать, но я уже год работаю помощницей в лавке бытовых артефактов и твои деньги не трачу. С тех пор, как съехала от вас.

Тогда мы сильно поспорили с братом – Бернард доказывал, что мне не нужно учиться в высшей школе. Что раз магия во мне не особо полезного для семьи направления, лучше взять пример с младшей сестрички и жить в свое удо-

вольствие, на чужом обеспечении. Себя я все равно не смогу обеспечить.

Я смогла. И отец даже покивал, когда я сказала ему, что выиграла у брата спор... Но меня никто не слушал.

– Это не решит твою проблему, – непробываемо заявил отец. – Внимательно просмотри запись. Выбирай любое место, в любой части Фридхольма, вдалеке от крупных городов. Мы купим тебе дом и обеспечим всем необходимым. Выбирай внимательно, там тебе жить.

И господин Леннет развернулся на каблуках и удалился.

А я побрела в сторону арены. Что делать? Как избавиться от проклятия? Вопросы, вопросы...

Под потолком коридора эхо насмешливо повторяло усиленную магией речь ректора. Господин Крам был безумно рад, что школе выпала честь сразиться с чемпионами. И еще более рад, что нас включили в программу обмена. Интересно, сколько раз до конца соревнования мы это услышим?

Величайшая честь и великая радость...

Я споткнулась на ровном месте. Честь и радость! А ведь радость не только для ректора и его кармана! Наша школа меняется адептами с институтом, побеждавшим пять раз! А победителей Императорских игр награждает лично император, и во время церемонии к нему можно обратиться с одной просьбой. И именно на него работают лучшие проклятийники! Настолько лучшие, что никто точно не знает, сколько их в свите короля.

В голове тут же сложилась схема: перевод, вступить в команду, оказаться среди победителей. Дело за малым: попасть в программу обмена. Моего заработка в лавке хватало на комфортное существование. Но привычка откладывать на черный день у меня не появилась, а моего месячного жалованья точно недостаточно на запись ректора в списках обменных студентов. Отец денег не даст. Мама его поддержит. Брат... Нет, слушать в его исполнении папу я точно не хочу. А Ненси... Расходы сестры контролирует отец.

Вариант один: надо славить имя школы. Чтобы у ректора не было выхода, кроме как вручить мне документы на перевод.

Осталось понять, как это сделать.

Я дотопала до выхода на поле, рядом с ним толпилась моя команда. Вытянув шеи, они разглядывали арену. Там вместо полосы препятствий устанавливали две деревянные пирамиды с плоской вершиной, друг напротив друга, на противоположных концах поля. На этих подставках будут размещены реликвии. У каждой команды своя.

Реликвии выбирал император. От обычных безделушек до редкостей. В случае победы одну из них могли подарить лучшему игроку.

Правила командной части соревнования просты: защитить свою реликвию и отвоевать чужую. Только с «отвоевать» проблема: если на первом этапе соревнований запрещено использовать магию, во втором – пользоваться сколько

влезет. Единственное условие: никаких смертельных заклинаний. За такое игрок вылетит из команды, а сама команда получит штрафные баллы.

– Нас раскатают, – хмуро пробурчал паренек в висящей мешком куртке, кажется, первокурсник-бытовик.

– Зато выполним наказ ректора: стоять до последнего адепта! – ехидно поддержала его пепельная блондинка. Я пару раз видела ее с адептами третьего года обучения прикладной магии.

У нас целых три факультета. Два – узкоспециализированных: бытовой магии (там натаскивают только по бытовым заклинаниям) и прикладной магии (тут изучают сопутствующие, простые основы-заклинания, на них другие маги могут сделать что-то грандиозное). Ну и третий факультет – мой, общий: бытовой и прикладной магии. И я единственная оказалась недостаточно шустрой, чтобы сбежать от ректора...

– О... – Представитель мужского пола в нашей команде неожиданно схватился за бок и, постанывая, побрел в сторону дежурного доктора.

– Может, нам всем того?.. – задумчиво предложила блондинка.

Рыжеватая адептка, вроде со второго бытового, скривилась.

– Напоят отваром и назад выставят! – уверенно заявила она. – Три раза пробовала, – добавила она сердито.

Да, похоже, на команду надежды нет.

Из магии у меня только бытовые заклинания и сносное умение собирать основы для сложных артефактов.

Домик? Нет уж, спасибо.

Придирчиво оглядев арену, я задумчиво потерла лоб. Расстояние между реликвиями было приличным.

– Всего-то! – фыркнула блондинка, показывая пальцем на деревянный помост теневиков.

Помощник судьи аккуратно положил на плоскую подставку небольшой диск – самый обычный согревающий артефакт. В нашем городке, горном курорте, такие особенно востребованы весной и осенью, когда погода меняется по пять раз на день.

– Ого! – присвистнула бытовичка.

Я тоже удивленно уставилась на будто сотканную из подсвеченной солнцем паутины накидку. Ее как раз водружали на нашу подставку.

– Солнечная накидка! – восторженно выдохнула блондинка.

Солнечная накидка – сложный артефакт, пропитанный солнечной магией, светлой, как ее называют в простонародье. Надев ее, человек получает способность слепить врагов, плюс она защищает его от теневых заклинаний. Не всех, только части. Но все равно такие накидки редкость – слишком много магии тратится на их создание. Проще нанять телохранителя.

– А толку-то слюни пускать? – усмехнулась бытовичка. –

Все равно ее у нас в первую же минут отберут.

Может, и не отберут.

– Команды, займите свои места! – разнесся над стадионом голос судьи.

Наша троица кучно выпала на арену и встала у подножия помоста.

Я отступила, оглядела бок деревянного сооружения. Невысоко, должно получиться.

Пока прикидывала, появились тенивики в количестве трех штук: Змей, блондин с крупным носом и шатен с узкими губами и злыми серыми глазами. Четвертый – кудрявый русский гигант с тяжелой челюстью – остался сидеть на трибуне. Похоже, нашего внезапно заболевшего так и не сумели вытолкать на арену. И противники весьма благородно убрали одного игрока.

Змей и блондин встали на два шага впереди, шатен занял позицию у пирамиды.

Наша команда внезапно ощутила себя сплоченной и дружной: девочки вместе отступили, подперли тылами помост.

– Начали! – Голос судьи прозвучал как гром среди ясного неба.

Змей с блондином рванули к нам. Я подпрыгнула, дернула накидку на себя. Чуть не свалилась, когда она легко слетела с подставки. Торопливо наинула на плечи, трясущимися руками застегнула застежку.

И...

На накидке стояло блокирующее заклинание. Просто отлично! Да здравствует наш судья! Самый справедливый судья!

Змей с товарищем были уже в десяти шагах от нас.

Тихо выругавшись, я с развевающейся за спиной накидкой побежала им навстречу.

Трибуны улюлюкали и свистели. Моя команда озадаченно молчала.

Теневики не поняли, с чего вдруг чужая реликвия сама несется им в руки, притормозили и переглянулись.

– Осторожно, гололед! – выпалила я, на ходу сплетая простенькое заклинание, которым подправляли поверхность катков.

Оранжевые огоньки слетели с моих пальцев и устремились под ноги парней. Грязь со снегом растеклась, застыла ровной ледяной коркой. Я шлепнулась на бок и проскользила между Змеем и блондином, прямо под руками пытавшихся поймать меня парней. Вскочила на ноги, понеслась по кругу.

Змей бросился наперерез, его товарищ – с другой стороны. Меня собирались прижать к трибунам. Я не желала прижиматься. В теневиков полетели оранжевые огоньки – заклинания стирки. Без воды, но и так пойдет.

Змей увернулся, а блондин начал сдирать куртку, когда та зашевелилась, пытаюсь прямо на нем крутиться, сжимать-

ся и расправляться.

Трибуны огласились радостными женскими криками.

Скосив глаза, я заметила блондина, стягивающего рубашку, вслед за курткой решившую постираться прямо на нем.

– Какая изобретательная мышка, – усмехнулся Змей, его пальцы сомкнулись на моем запястье.

Трибуны взревели.

Оранжевые огоньки появились на моей ладони, и я бросила под ноги теневика все то же заклинание для исправления дефектов катков.

Змей выругался, с трудом удержал равновесие: его сапоги оказались закованными в ледяную корку. Но мою руку не отпустил.

Я потянула сильнее: шатен из дозора у реликвии быстро шагал к нам, на его пальцах пульсировало черное пламя.

– Юрг, не лезь, – процедил Змей.

Шатен не остановился.

В меня полетело темное заклинание. Я с испуга вспомнила заклинание чистки ковров, но промазала – оно ушло куда-то вниз. Змей дернул меня на себя, и мы под удивленный вздох толпы хлопнулись на землю. Рухнули в облако пыли, кого-то сбили. Шатена. Ругаясь, он свалился сверху. И вся наша веселая компания, окруженная пылью, с размаху врезалась в пирамиду. Она покачнулась. Змей дернул меня в сторону. Деревянная конструкция рухнула. Я выставила руку: только бы поймать! Пальцы сжались на диске.

Шатен, помяная мою родню, вскочил на ноги. Кажется, его все же немного задело, потому что на пальцах начали закручиваться воронки из тьмы.

– Юрг! – Из облака пыли вынырнул раздетый до пояса блондин и сцапал его сзади за руки.

– Хватит, – отрезал Змей, поднимаясь на ноги и ставя меня.

Шатен, зло глядя на меня, нехотя убрал тьму.

– Адепт Юрген Эбнет! Десять штрафных очков! – прозвучал над стадионом голос судьи.

Всего-то? Даже моих знаний хватило понять, что второе заклинание Юрга было из смертельных! Мне стало нехорошо, я оперлась о плечо Змея.

Шатен вывернулся из хватки товарища, зло поморщился и ушел.

Змей проводил его хмурым взглядом. Повернулся ко мне, неожиданно подхватил под мышки, поднял и объявил:

– Реликвия добыта!

Ах ты ж...

– Да! Добыта! – повторила я, поднимая руку с зажатым в пальцах артефактом теневиков.

Трибуны замерли. Потом послышался радостный визг со стороны нашей пирамиды. Повернув голову, я увидела танцующих танго девочек. Отыскала взглядом ректора. Господин Крам оглаживал окладистую бороду, сияя сильнее, чем его парадная золотая мантия.

– Ничья! – объявил судья. – По итогам двух соревнований победа за командой Института теневого и боевой магии.

– Это твоя победа, мышка. – Змей опустил меня на землю.

Трибуны взорвались радостными воплями. Кто-то сотворил разноцветные лепестки и запустил над ареной. Линзы показали лица команд, ректора, судью.

Оставив реликвии помощнику судьи, я отправилась караулить ректора у выхода.

На широком, местами присыпанном снегом, местами сверкающем лужами крыльце столкнулась с по-деревенски закутанной в шаль женщиной. Незнакомка пару минут смотрела на меня, потом поправила закрывающий лицо край платка. На пальце сверкнул перстень с большим изумрудом, внутри которого горела крохотная янтарная капля. Женщина нырнула за дверь, а я скатилась по поблескивающим лужицами воды и слегка обледеневшим по краям ступенькам.

У входа стоял ядрено-красный ректорский мобиль, рядом с ним сидел рыжий энфилд.

На лисьей морде элементаря воздуха было написано недовольство тем, что ему приходится ждать хозяина. Орлиные перья на передних лапах были сердито встопорщены, задние, волчьи, – царапали когтями камни мостовой. Быстрее энфилдов никого нет. Только если пройти через разлом. Но пройти через них можно только в определенных местах.

Так что личные мобили были нарасхват. Младшие братья промелькнувших незамеченными автомобилями медлен-

но, но верно захватывали улицы городов.

К слову, автомобили не получили признания народа – топливо для них было редким и дорогим. А элементали у нас встречаются на каждом шагу. Вот и решили связать железную машину и их специальным артефактом. Результат всем понравился.

Кроме личных мобилей, имелись общественные духовозки. В них не было ни плавных изгибов и благородной «внешности», ни комфортного салона: смесь дилижанса и вагончика. Зато и оплата небольшая.

На крайний случай можно было проехаться верхом на энфилде.

В общем, элементали были весьма востребованным транспортом.

С грохотом распахнулись двери холла, и господин ректор в накинутах поверх мантии полушубке выплыл на крыльцо. Следом, точно утята за уткой, наша команда. Включая внезапно выздоровевшего парня.

Вот злыдень! Ну и ладно. Мне с ним один артефакт не делать и заклинания не править!

Я бросилась к ректору, спускающемуся по лестнице с видом победителя.

– Не уделите пару минут?

– Тебе, Леннет, сколько угодно! – довольно пропыхтел он в бороду, направляясь к мобилею. – Говори, что у тебя там стряслось?

Повелительным взмахом руки господин Крам отпустил нашу команду. Ребята обрадованно смешались с толпой.

– Вы бы не могли меня обменять?! – выпалила я.

– Боюсь, вы давно переросли возраст, когда родители могли вернуть вас аисту, – пошутил господин Крам и пробурчал, поглаживая бороду: – Что касается иных обменов... Вы действительно считаете, что я отдам каким-то теневикам такую перспективную адептку?

Он гордо косился по сторонам на охотно «греющих уши» горожан и студентов, делающих то же самое, но не так заметно.

Ладно... Как там отец сказал? Честность не всем нужна?

Насколько помню, не только папа таскает с собой артефакты для частных бесед.

– Господин ректор, разрешите сказать вам пару слов наедине?

Господин Крам поморщился и нехотя кивнул. Все же я сегодня его гордость. А гордость не принято посылать лесом. Он вытащил из кармана артефакт и активировал, отрезая нас от любопытных ушей.

– Если вы не отправите меня к боевикам, через месяц, максимум три, у вас будет самая честная школа в Фидхольме, – не стала ходить вокруг да около я. – Причем все будут честными. И адепты, и преподаватели, и обслуживающий персонал, и вы...

Ректор нахмурился и погладил бороду.

– И в связи с чем у нас случится приступ честности?

– В связи со мной, – я развела руками, – и моим тлетворным влиянием.

Ректор дураком не был – сообразил, что выяснять детали не стоит. Некоторые семьи старательно хранят свои тайны. До семейного склепа, так сказать. Склепа того, кто решил узнать подробности. Но и излишним легковерием он не страдал. Хмуро изучая меня, продолжал поглаживать бороду.

– А вы оставьте меня, и сами все увидите, – предложила я.

– Тень тебя забери, Леннет, – вздохнул господин Крам, – отправляйся к своим темным!

Глава 2

Хорошее настроение не могла испортить никакая поездка в духовозке. Я потолкалась с пассажирами, с ними же попрыгала на кочках. Водитель только руками разводил – энфилд попался крайне вредный и находил неровности даже там, где по всем законам физики наш транспорт должен был скользить колесами по сплошной наледи. А еще элементарно не хотел сидеть внутри стен духовозки, поэтому наружу постоянно высовывалась его голова с крайне ехидной и довольной мордой. Так мы и подкатили к моей остановке: вагончик, слегка напоминающий карету, где на месте оглобель торчала голова рыжего лиса, и хор ругающихся пассажиров, припавший к окнам.

Но к домику, где снимала мастерскую и комнату, я все равно летела точно на крыльях.

Получилось!

В холле двухэтажного здания, которым владела госпожа Бевис, меня ждала коробка с материалами и записка из лавки. Поступил крупный заказ, и требовалось срочно разобраться с заготовками.

Напевая, я поволокла коробку в мастерскую.

Жизнь определенно налаживалась.

Оставив ношу на углу большого массивного стола, занимавшего центр комнаты, я приоткрыла окно, чтобы провет-

речь. Бросила в камин полено.

Саламандра, огненный элементаль госпожи Бевис, которого я, по ее словам, избаловала как последнюю кошку, а не ящерицу, тут же радостно накинулась на перекус.

Пока она ужинала, я сбегала к себе, отмылась от даров стадиона, переделалась в домашнее шерстяное платье. Сунула в карман «подарок» отца. Мельком глянула в зеркало и оценила проклюнувшиеся на носу веснушки. В городе снег, а у меня уже весна. Мама бы точно заставила выводить, а мне нравились солнечные поцелуи. Нравилось быть настоящей, живой.

А мама пыталась создать из нас с сестрой улучшенные копии себя в молодости.

В молодости мамулю считали одной из самых красивых девушек страны. Пророчили замужество за родовитым лаерном. Но она выбрала вместо дворянина папу – состоятельного и известного куда больше, чем некоторые захудалые дворянские семьи.

Мы не были лаернами, но мама считала, что ее дети должны быть не хуже отпрысков дворян. Брату повезло. Родительница озадачила его лишь правилами поведения. Дальше Бернарда воспитывал отец. А нас с Ненси – мама.

Сестричка была в восторге от всех этих этикетов, правильных подборов платьев в зависимости от времени суток... Устранения мелких «дефектов» внешности, которых у нее не имелось, но мама их с удовольствием находила.

Мне же просто хотелось изучать заклинания, колдовать.

К тому же мы с братом пошли в отца: прямой нос, овальное лицо, голубые глаза. Нормальная, вполне симпатичная внешность, но, по мнению мамы, обычная. И такой внешности обязательно требовалась изюминка или корзина изюма из чудес косметической магии, чтобы стать распрекрасной.

Естественно, ни я, ни брат обрести «изюмом» не хотели.

Наверное, поэтому я подумывала подкрасить синие пряди специально, когда то, что уже есть на моей голове, отрастет...

Вернувшись в мастерскую и первым делом пошарив по ящикам шкафов, я отыскала тонкие светло-коричневые перчатки, напоминающие обычный дамский аксессуар. Незаменимая вещь в работе любого мага прикладной или бытовой магии. Они защищали руки от неприятных сюрпризов, связанных с чужими заклинаниями.

Но прежде чем приступить к работе, надо узнать все подробности, касающиеся нашего семейного проклятия.

Отложив перчатки, я вытащила прозрачную пирамиду. Дотронувшись до вершины пальцем, активировала.

Над столом тут же появилось сосредоточенное лицо отца.

– ...Точное время появления проклятия правды в нашей семье неизвестно, – сразу с места в карьер начал родитель. – Предположительно десять поколений назад оно появилось у дочери главы семьи, она была вторым ребенком.

Возможно, проклятие было наложено обманутым клиентом. Кем именно – не удалось выяснить...

А дальше отец сухо перечислил тех, кому повезло стать ходячим артефактом правды для окружающих. И себя.

– ...Не только окружающие начинают говорить правду, проклятие заставляет быть правдивым хозяина... – вещала запись.

Дальше шли подробные перечисления того, чем именно это может быть чревато. Скандалами, судами, разводами... С браком, к слову, тоже была загвоздка: сила проклятия росла, если владелица выходила замуж. Даже обручение могло усилить проклятие. Поэтому мечты о счастливой жизни с прекрасным принцем придется оставить...

Обидно! Не то чтобы у меня толпа принцев под окнами сидит... но какая девушка не мечтает влюбиться? Я мечтала. И вдруг...

Дальше в записи перечислялись методы, которые перепробовали, чтобы снять проклятие.

Отец не солгал, сказав, что все испробовано до меня. Но верить в то, что выхода нет, я категорически отказывалась. В конце концов, магия не стоит на месте. Раньше не получилось, теперь выйдет! Надо только добраться до лучшего проклятийника в Фридхольме. А если и он не поможет, наше королевство не единственное в мире...

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, я сходила к себе в комнату, оставила пирамиду с записями на тумбочке, су-

нула в карман напоминающую прозрачный леденец линзу: утром свяжусь с деканатом, узнаю, когда отправляться в институт теневиков.

Обратно в мастерскую вошла с желанием творить. И вытворять.

А вытворять мне предстояло много. Без малого пятьдесят основ под согревающие кольца ждали меня в коробке.

Неудивительно, что я немного заработалась...

И тихие трели ледяных элементарей, крохотных, напоминающих ледяных синиц духов, стали полной неожиданностью.

– Только не стол! – Я вытянула руку, но пальцы лишь скользнули по краю бумажного треугольника, запорхнувшего в приоткрытое окно.

Зимние духи, доставив почту, улетели.

Письмо с размаха грохнулось на только что доделанные заготовки для артефактов.

Круглые основы, напоминающие кольца, бодро посыпались со стола, не успевшие закрепиться искры огненной магии засверкали в воздухе. А треугольник плотной бумаги все скользил по столешнице, грозя уничтожить мою работу подчистую. Скользил и счастливо шуршал.

В душе росло радостное желание найти того, кто его прислал, и... заставить переделывать заготовки для артефактов! Все пятьдесят штук!

И кто у нас счастливчик?

Схватив письмо, я сердито покосилась на россыпь заготовок под ногами. Сломав печать, на которой был выдавлен мой адрес и имя, развернула бумагу, пробежала глазами ровные строчки. Поморгала, потому что возникли сомнения в собственной адекватности.

Все же соревнование и полсотни заготовок, после такого и император на пороге почудится!

Не помогло.

В свитке был брачный договор! Мой брачный договор. Согласно ему, я была глубоко замужем. Уже сутки.

Ну да – замужем! Отец скорее выкупит мне целый квартал домиков, чем выдаст замуж. Так что мимо, господа шутники!

Я скомкала бумагу и ловко закинула в камин.

Саламандра, скользнув по тлеющим углям, сцапала добычу.

– Приятного аппетита! – улыбнулась я, наблюдая, как ящерка с видом дегустатора пробует край моего брачного договора.

Пока она изучала закуску, я собрала с пола заготовки, сложила их на краю стола, осторожно переместила уцелевшие в шкатулку.

Как раз ставила ее на полку, как в камине закашлялась саламандра, а мне на голову с ехидным шорохом спланировал договор. Свернутая трубкой бумага стукнула по макушке и свалилась в руку, выбив шкатулку. Та со скорбным звя-

каньем приземлилась на пол.

Я с ненавистью уставилась на свиток, совершенно не памятый и даже ни капли не подгоревший.

Поставив шкатулку на стол, я снова старательно смяла договор. Достала из ящика стола зажигательную палочку и щербатую тарелку, высыпала из нее запасные детали. Установила ее на столешнице, сунула туда бумажный комок и подожгла.

Брачный договор вспыхнул ярко. Но радовалась я недолго. Пламя с хлопком погасло, плюнув мне в лицо облачко копоти. А целая и невредимая бумага с громким шелестом начала разворачиваться и распрямляться!

Это война!

Выдвинув ящики стола, я вытащила запасы артефактов.

Свиток не горел ни синим, ни обычным пламенем, не намокал, не становился пеплом! Только комкался. Но удовольствия от этого было мало: вредный кусок бумаги тут же распрямлялся.

Неизвестная магия охраняла его целостность. Похоже, шутник хочет, чтобы я дочитала и насладились? Наслажусь. А потом найду автора этого пасквиля и устрою ему день жизни без бытовых заклинаний. Восстановлю естественную среду, так сказать.

Усевшись в кресло, я приступила к чтению.

Заклучали брачный договор по всем правилам конспирации и седой древности. Личности подписавших дого-

вор от моего и имени жениха скрывала магическая пленка. Убрать ее можно было одним способом: встретиться со счастливым новобрачным и сложить вместе два договора.

А вот мой жених, напротив, являлся личностью известной.

Лаерн Стейн Борг, наследник древнего рода. Рода, считавшегося мертвым и внезапно воскресшего в лице этого самого наследника. Появился он аккурат ко дню, когда собственность лаерна должна была отойти короне. Это все, что я запомнила про того, чье имя мелькало в новостных колонках газет, которые я ради любопытства просматривала через линзу. Интересно, а ему тоже прислали письмо? Или мне радоваться в одиночку?

С удовольствием смяв договор, я забросила его в камин. Саламандра опасно покосилась на бумагу, а та развернулась и легла на угли, будто в насмешку демонстрируя мне текст.

Не стоит издеваться над бытовыми магами, даже очень усталыми. Особенно теми, у кого морозный ветерок игриво шевелит занавески на приоткрытом окне, работая вместо бодрящей микстуры!

Я вытащила из кармана, скрытого в корсаже платья, набор инструментов для изучения артефактов. Или набор домушника, как, морщась, его называл отец. Вынула тонкий стальной крючок, шагнула к камину и подцепила треклятую несгораемую бумажку.

Раздался мелодичный перезвон дверного колокольчика. Но тут же оборвался на трагическом звяке и закончился грохотом, словно кто-то распахнул дверь с ноги вместе с охранными чарами и замком.

– Что вы творите?! – тут же раздался возмущенный вопль домоправительницы. – По какому праву вы рушите наш дом?!

– По праву мужа, – отрезал ледяным тоном смутно знакомый мужской голос.

– Чьего?

– Явно не вашего.

Под сердитый вскрик госпожи Бевис дверь мастерской открылась. Громко стукнула о стену, криво повисла на петлях.

Я замерла от удивления, глядя на гостя. Русые волосы, стянутые в хвост, васильковые глаза, гибкая фигура, закутанная в плащ.

– Змей?

Представление команд я пропустила, потому что меня еще не доволокли до стадиона. Поэтому имени теневика не знала. Погодите... Он что, и есть тот внезапно обнаружившийся наследник?

– Заметаешь следы? – предположил Змей, оказавшийся лаерном Стейном Боргом, глядя на бумажку на крючке.

– Провожу опыт. – Грозные взгляды и зверский тон перестали действовать на меня лет с пятнадцати.

– Уничтожить не удастся, ты перестаралась с защитой. –

Теневик оказался рядом, навис угрожающе. – И как? Нравлюсь?

– Не особо. Но быть твоей женой мне не нравится больше. – А еще мне не нравилось задирать голову, поэтому я обогнула супруга – тени побери шутника! – подошла к столу, сдвинула несчастные артефакты и положила бумагу и крючок.

Теневик повернулся следом. Пола пальто и штанина оказались в непозволительной близости от камина, а у саламандры после неудачного поедания брачного договора случилось отвратительное настроение.

Остановить ее можно было лишь одним способом. Я выдвинула ящик стола, цапнула артефакт для полива. Подобрал юбку, прыгнула к теневику. Тот насмешливо вздернул бровь, явно собираясь что-то сказать, но тут его пальто затрещало и вспыхнуло. Саламандра, радостно попискивая, понеслась вверх по ткани.

Я направила на нее артефакт, нажала камни на ободке. Вода тугой струей ударила прямо в теневика, как раз в этот момент сдернувшего пальто. Пальто улетело на пол, где его тут же начала жевать упрямая саламандра. В воздух поднялись облачка пара.

С артефакта в моей руке капало. С теневика текло.

– Прежде чем ты в дополнение к принуждению к браку обвинишь меня в собственном утоплении, скажи: договор с тобой? – торопливо выпалила я, пока он опять не озверел.

– Хочешь подтвердить свою вину? – процедил сквозь зубы Змей, стирая с лица капли воды.

– Хочу узнать имя того, кому испорчу все артефакты в доме, чтобы ему жилось легко и хорошо! И без магии!

Теневик неожиданно усмехнулся и кивнул на пол. Там саламандра возмущенно шипела на близнеца моей бумаги. От пальто не осталось ни клочка.

Я бросила артефакт на стол, наклонилась и цапнула договор супруга.

Тут в холле раздался протяжный рык.

– Что ты сделал с моей домоправительницей?

– Обездвижил.

– Тебе конец, – с сочувствием сообщила я.

Некоторые люди страшны в гневе. Так вот: моя милая домоправительница была очень страшна в гневе! Потому что обладала магией тлена, звериной силой и такой же логикой. Однажды к нам залез вор. Так через десять минут стража снимала его со шпилья колокольни, его одежда осыпалась лоскутами, а он сам заикался и молился.

Избежать гнева госпожи Бевис можно было двумя способами: собственно, или быстро убежать, или спрятаться. Вор понял это не сразу.

Я покосилась на Змея... Борга... Стейна. Нет, этот бегать не станет! Бегло осмотрела мастерскую. Рычание в гостиной усиливалось. Надо же, я раньше и не замечала, что тут так мало мест, пригодных для прятанья мужей!

Шкафов три, больших и основательных, но внутри полки. Узкие, на неубиваемых креплениях. Сама заказывала, чтобы выдержали артефакт любого веса. На них он не поместится.

Стол – не убежище, разве что мой супруг сможет отгородить нас им вместо двери? Но он не похож на атлета. Поэтому вряд ли.

Камин? Он в мастерской огромный, чтобы прожорливой саламандре всегда хватало пищи и простора. Но дымоход обычный.

Портьеры на покрытых морозными узорами окнах чисто символические, шириной с пару ладоней. Потому что больше ткани – больше вероятность устроить пожар. За окном заснеженные кусты жимолости. Но лучше колючки, чем домоправительница!

– Вылезай. – Я показала на приоткрытую створку.

Саламандра насмешливо зашипела из камина. Пока я размышляла, куда девать мужа, она забралась назад.

– Мне не настолько жарко. – Стейн насмешливо посмотрел на меня сверху вниз. Он был слишком близко, чтобы избежать брызг с его мокрых волос.

Отодвинувшись, я пожалала плечами.

– Тогда тебе придется воевать с моей домоправительницей.

– Я не воюю с женщинами.

Вот это новость! А кто за мной по арене гонялся? И потом...

– Ну, пару минут назад ты на меня очень вдохновенно рычал, – напомнила я, не отказав себе в скромной женской радости: ехидстве.

– А что ты решила, получив договор?

– Что у кого-то отвратительное чувство юмора. – Я постукала пальцем по столешнице рядом с нашими договорами. – Давай уже посмотрим, кто решил испортить нам жизнь?

И тут в холле раздалось радостное рывканье. Потом топот. Змей нахмурился.

Да, походка у моей домоправительницы в злом состоянии тяжела.

– Можешь забаррикадироваться столом, – снова предложила я, – но тогда ты будешь должен новый стол.

Стейн раздраженно поморщился и скрестил руки на груди, спокойно глядя на дверь.

Я с сожалением покосилась на заготовки. Жаль их. Сцапала договоры, свой и супруга.

Тяжелая поступь госпожи Бевис звучала все ближе. Секунда – и в мастерскую влетел вихрь из юбок, когтей и развевающейся бахромы от шали. Да, в таком состоянии моя домоправительница очень быстрая.

Госпожа Бевис сразу же накинулась на Стейна. А тот взял и... поймал рычащую даму. И, держа на вытянутых руках, удивленно констатировал очевидное:

– Берсерк.

– А ты что за бес?! – рыкнула ошарашенная домоправи-

тельница. Когти оставляли глубокие царапины на его руках, а магия тлена быстро превращали одежду в кучу лоскутов.

А он держал. Держал берсерка!

– Мой муж, – ответила я, озадаченно глядя на Змея.

Госпожа Бевис покосилась на меня и немного успокоилась. Когти исчезли, зверское выражение с лица тоже.

Стейн тут же поставил ее на пол.

Домоправительница поправила шаль, трагически вздохнула и протянула ее тенивику. Как раз вовремя: его одежда окончательно дотлела, и он оказался в костюме первого человека, только с шалью вместо фигового листа.

Сложен он был отлично... прямо смотреть и смотреть... и его ничуть не портили царапины и... тонкие белые нити шрамов на руках и груди...

– Как муж? Откуда муж? – переспросила домоправительница.

– Да вот, завелся как-то сам, – хмыкнула я. – У вас тараканы, а у меня вот... муж.

Змей сверкнул глазами. Очевидно, это означало, что он не завелся, а если заведется, мне не поздоровится.

Госпожа Бевис выудила из складок юбки зеркальце, поправила волосы, нахмурилась, глядя на отражение, и пробормотала:

– Пойду-ка я отвара успокоительного заварю! Себе, литров шесть.

Едва она переступила порог мастерской, мы со Змеем, за-

вернутым в шаль на манер полотенца, дружно придвинулись к столу.

Я приложила договоры друг к другу боком. Опустила пальцы на край своего, Стейн дотронулся до своего.

Пленка на месте имен наших доверенных лиц начала неторопливо таять. Словно лед под лучами солнца, она истончалась неравномерно. Части букв возникали в хаотичном порядке.

Теплое дыхание щекотно коснулось щеки, горячая рука – моего плеча. Крохотные волоски на шее встали дыбом, по спине зашпешили суетливые мурашки. Не привыкла я, что рядом со мной стоят совершенно чужие индивиды в шали. Это не брат в полотенце, к которому ты заскочила сказать, что вместо завтрака надо готовиться к банкету у очередного делового партнера отца... Но все это меркло и бледнело перед треклятыми буквами, выползающими из-под пленки со скоростью разбитой параличом улитки!

– Чай! – В комнату вплыла, чинно шурша юбками, госпожа Бевис с подносом.

Платья в пол, еще и с дивизией подъюбников, носят только в далеком островном Дааране. Моя домоправительница как раз была оттуда. И выглядела в своих закрытых платьях и пышных юбках до подошв ботинок так, словно сбежала из проекции, как одевались сто лет назад.

Меня ее манера наряжаться совершенно не волновала. А она не пыталась переодеть меня в «приличное», принятое

у нее на родине. Так и жили.

Наученная опытом (все, что валяется в мастерской, может не валяться, а лежать в художественном беспорядке), госпожа Бевис вначале высмотрела свободную часть стола, а потом поставила поднос.

– Это вам. – Она протянула Змею рубашку, потрепанные штаны, шинель и выдавшие виды сапоги. Очевидно, ограбила комод, где лежали старые вещи для кухонных тряпок. – Любимые вещи моего мужа, – чинно сложив руки перед собой, смиренно сообщила она.

Да, любимые. Ее супруг любил в них пугало наряжать на их ферме. Два дырявых сапога и шинель, напоминающая решето и доставшаяся ему от деда-военного, не только ворон доводили до икоты, нежить заставляли обходить их огород стороной!

– Благодарю. – Змей тоже мог быть учтивым.

Госпожа Бевис неторопливо выплыла из мастерской. Судя по блеску глаз домоправительницы, месть за ловушку удалась на славу.

– Непростая у ее супруга была жизнь, – оценив прорехи на ткани и трещины на сапогах, усмехнулся теневик.

Госпожа Бевис услышала – из холла донеслось:

– Что вы! Жил он хорошо! Только экономный был очень. Да осветит солнце его загробный путь!

– Судя по всему, жизнь была хорошая не у господина Бевиса, а у мышей, – Змей дотронулся до дырок на шинели, –

и моли.

– Очень хорошая, – согласилась я, изо всех сил стараясь не смеяться: жених примерял шинель. – На чердаке до сих пор такие экземпляры летают и бегают, что их никакие отпугивающие артефакты отпугнуть не могут. Того и гляди сыр из кухни прямо головкой укатят или шубу из шкафа унесут!

– И как они тебя до сих пор не утащили, мышка?

– А они на диете, полосатых не любят. Холл, штора, дверь шкафа, – перечислила я места для переодевания из шали в дары домоправительницы.

– Просто отвернись.

Мне несложно, но голый парень за спиной, не прикрытый ни домоправительницей, ни ее шалью, – это слишком даже для такого невыспавшегося и злого бытовика, как я!

– Чем штора не устраивает?

– Слишком далеко. – Стейн бросил вещи на край стола и взялся за узел на шали.

Я рывком отвернулась. Чудом сдержалась, чтобы не отпрыгнуть подальше. Спокойно, это всего лишь голый... муж.

Тихо хихикнув, я успокоилась. В его словах имелся здравый смысл: вдруг, если отойдем, договоры обратно все пленкой затянут? Но я все же незамужняя... то есть не видевшая... то есть видевшая за свои двадцать лет голого мужчину дважды: сейчас и когда соседка по столу в школе подпортила сделанный артефакт, и наш новый и до безобразия молодой преподаватель оказался под прикрытием сгустка ма-

гии и кактуса, сдернутого с подоконника! А тут...

А тут за спиной раздался треск.

Я подпрыгнула на месте и с беспокойством спросила:

– Договоры?

– Нет, это я.

– Старость? – не удержалась я от шпильки.

– Не буди во мне гиппогрифа, мышка. – И следом удивленное: – Какого демона?

– Опять ты?

– Нет, договоры. Я одет.

Повернувшись, я мельком глянула на местами разлезшийся и явно узкий теневику наряд и уставилась на листы. Имена наших «благодетелей», заключивших брак, не проявились! Вместо них над бумагой возникли огненные буквы с переливами серебра:

«Корона на ее голове сияла ярко, но потускнела. По левую руку от солнца сидит, забытая всеми».

– Загадка? – Змей насмешливо покосился на меня. – Все-таки подделка, да, моя хитрая мышка?

– Нет, мой упертый змей! – огрызнулась я. – Если и подделка, то не моя. Слушай, чего ты так упорно пытаешься сделать меня виноватой, а? Тебе, конечно, сложно поверить, но мне замуж нельзя, вот никак. И вообще, может, это ты сам нас обручил?

– И стишок сочинил, – ядовито подсказал теневик.

– А что? Кто знает, какие у тебя скрытые таланты? – Я еще

раз прочитала странное послание, висящее перед носом.

Ну и кто ты, наш таинственный «благодетель»? В голове была только одна кандидатура, но она казалась слишком невероятной.

– Подлинность этих бумаг можно легко проверить. Прогуляемся в мэрию, мышка? – предложил теневик.

– С удовольствием, змейчик!

– Стейн.

– Мартина.

Пару минут спустя я маршировала по заледеневшей улице под руку с теневиком, одетым в побитую молюю шинель и слегка потрескавшиеся сапоги. В витринах мелькало наше отражение: породистый лаерн в костюме оборванца и я, худощавая, бледнолицая гирька в меховой накидке с капюшоном.

В светлое здание мэрии вошли так же.

Теневик не стал откладывать проверку в долгий ящик: поймал первого попавшегося клерка, сунул ему под нос листы.

– Мы с невестой хотели бы удостовериться в правильности оформления документов.

Клерк, парень на пару лет старше меня, радостно повернулся в его руке, и, вися на собственной одежде, сложил ладони вместе. Тонкие браслеты на его запястьях, исписанные символами и пропитанные магией, соприкоснулись, и перед нами появилась голубая полупрозрачная книга.

– Лаерн Стейн Борг и госпожа Мартина Леннет, – подсказал теневик, отпуская его ворот.

Страницы книги зашевелились и замерли. Над ними появилась выдержка, крупные буквы голубого цвета были беспощадны:

«Лаерн Стейн Борг и госпожа Мартина Леннет... Брак заключен... Обряд номер... проведен согласно единому протоколу по заключению браков от 1222 года от правления...»

Вот черт!

Не подделка. И даже больше того, нас обручили по древнему обряду! Расторгнуть его можно только с личного разрешения императора. Имелся и еще один подвох: заключаешь брак, а через шесть месяцев ни одна мэрия вас не разведет. Не успел. Даже император не поможет.

Не так я представляла собственную свадьбу!

Цветы, гости... А тут злощый теневик и перепуганный клерк, который не мог удрать от нас лишь потому, что этикет общения с клиентами не позволял.

– Кто подписал договор? – тихо и весьма проникновенно выдохнул Стейн.

– Так вот-с! – пискнул клерк, ткнув пальцем в подписи под текстом.

В отличие от наших договоров, там все было написано предельно точно и ясно:

«Ее императорское величество лаерна Белинда Брабел».

Вот тебе и «Корона на ее голове сияла ярко, но потускне-

ла. По левую руку от солнца сидит, забытая всеми».

Солнцем себя именует наш император. По правую руку от него сидит принцесса, по левую – его мать. И корона на ее голове как раз потускнела, потому что теперь «сияет» ее сын.

– Вдовствующая императрица? – пробормотала я, борясь с желанием потереть глаза.

Змей уверенно кивнул.

По слухам, матушка правителя – дама с чужинкой. То всех слуг разгонит, то годами из покоев не выходит. А вот желания поженить всех и вся у нее не наблюдалось – сын как ходил гордой поступью среди придворных дам, так и ходит. Радуя и их, и журналистов всех мастей. Романов у него больше, чем муравьев у разбитой банки варенья. Наследники? Имеются. Принцесса – признанный бастард. Так что в плане «кому отдать корону в случае кончины императора от любовной горячки» полный порядок. Вот она, наследница.

А тут вдруг нате вам!

Ну и зачем вдовствующая императрица решила обручить двух незнакомых ни ей, ни друг другу людей?

Или знакомых?

Глава 3

– Признавайся, чем ты разгневал мать императора, что она решила тебя окольцевать? – тихо спросила я, глядя, как обрадованный клерк скачет через холл, а следом за ним летит магическая книга, пугая редких припозднившихся посетителей.

– Я разгневал? – Стейн смерил меня насмешливым взглядом.

Мы направились к двери.

– Ну а кто из нас наследник древнего рода? – Выходя наружу, я покосилась на Змея.

– А кто дочка одного из крупнейших торговцев тканями?

– Не настолько крупного, чтобы торговать с двором. – Отца это очень злило. Однако все «сочные» места во дворце были давно заняты. Чужих туда на залп орудий не подпускали. – К тому же из нас двоих внезапная находка и адепт престижного института – ты!

– Вот именно, и выйти за меня выгодно именно тебе, – поморщился Стейн, закрывая за мной дверь.

Мы остановились на крыльце.

– И тебе тоже, – буркнула я.

А что? У него имя, у меня отец не последний торговец тканями королевства.

– Хорошо... – Стейн задумчиво потер пальцами русую

бровь. – Не ты и не я. Будем считать, что мы оба жертвы некомпетентности придворного доктора, просмотревшего явное душевное расстройство старой женщины...

– Будем считать, – согласилась я.

Прохожие бодро скользили по своим делам. Потрескивали фонари. Духовозки и мобили постукивали колесами, спеша по своим делам. Энфилды, сидящие у свободных наемных мобилей, пофыркивали, ловили на кончики лисьих морд падающие снежинки. Зеленели почки, припорошенные снежной крошкой. Все так мирно, привычно...

И если подумать, ничего страшного не произошло. Просто план избавления от проклятия осложнился внезапным браком. Браком, расторгнуть который может только император. А к нему еще попробуй подберись. И на него у меня совсем другие планы. Интересно, достаточно ли для развода только просьбы Стейна? А если нет? В какие дали отправит император нахальную девицу, решившую обратиться к нему сразу с двумя просьбами?

– Значит, так, Мартина. Я все исправлю. – Стейн едва заметно улыбнулся. – Про наш брак никому ни слова. Учись и живи спокойно. Я все сделаю. Мы будем свободны.

А в домик не переехать, случайно? В уединенный?

– Не получится, – глядя в васильковые глаза, кажущиеся темными при свете фонаря, улыбнулась я.

– Что? – не понял теневик.

– Учиться и жить спокойно. Я к вам еду по обмену.

– Тоже за дипломом для родителей, что ли? – поморщился Змей.

Я отрицательно покачала головой.

– За замужеством? – криво усмехнулся он.

– Не поверишь, но нет. За славой и признанием. – И мысленно добавила: «И личной аудиенцией императора».

Стейн смерил меня удивленным взглядом.

– Не выйдет.

– Почему?

– Ты шустрая, мышка, но этого мало, чтобы попасть в команду. – Теневик поправил съехавший с моей головы капюшон.

Лихо он меня в запас списал. Прямо как отец в свой домик.

– А я тебя удивлю, – упрямо выдвинула подбородок.

– Ты всегда такая вредная?

– Нет. С понедельника по пятницу.

Стейн навис надо мной. Я упорно смотрела ему в глаза, стараясь не замечать, как мало вдруг стало воздуха, а тот, что остался, будто прошивали грозовые разряды.

– Стейн! – Радостный мужской голос прервал поединок взглядов.

К нам шагал носатый блондин из команды Змея. Следом маршировали остальные. Кудрявый гигант держался рядом с опять чем-то недовольным Юргеном. На плече каждого боевика висел небольшой рюкзак. У блондина два.

– А мы тоже решили в мэрию заглянуть, узнать, где тут приличное место, чтобы снять на ночь комнату, поесть и... отдохнуть. А то в гостинице, адрес которой нам дал ректор, цены такие, словно там личные покои императора. И комнаты – прямо оранжерея: плесень, клопы, тараканы на любой вкус! А через дыры в полу и стенах можно с соседями говорить, – пожимая руку Змея, выдал блондин. – А ароматы с кухни такие, что даже зомби не позарится.

Знаю я эту обитель экономии в царстве тараканов, ректор ее всем гостям школы и знакомым советует. Ну а как? Сим заведением владеет тетка двоюродной сестры жены ректора. А он свою родню любит. И регулярно обеспечивает ей заработок.

– Что за маскарад? – Блондин отдал другу второй рюкзак и теперь с интересом разглядывал его наряд.

– Неудачно зашел на огонек, – отшутился Змей.

– Огонек, судя по твоему виду, пылал жарко, – хмыкнул блондин. – Привет, реликвия! – добавил он, глядя на меня. – Мартина? Правильно, лапушка?

Я кивнула. Комплимент приятно согрел душу, хоть и был нарочитым. Как у торговца на рынке, у которого все покупательницы красавицы.

Змей едва заметно поморщился.

– А я Кристоф, – продолжал, лучась приветливой улыбкой, блондин. – А это Вардкес...

Он ткнул пальцем в сторону кудрявого здоровяка.

Тот склонил голову и прогудел:

– Вард.

– Юргена ты уже знаешь, – представил чокнутого тенивика Кристоф.

Шатен лениво проследил взглядом за проехавшей мимо коляской, запряженной огненно-рыжим энфилдом. На ней катались туристы, желающие почувствовать себя в древних временах. Чем их, туристов, не устроили лошади, хозяин повозки умалчивал.

Я тоже сделала вид, что вместо Юргена вижу фонарный столб.

– Узнал что-нибудь? – Кристоф повернулся к Змею. – Куда нам направлять свои стопы, капитан?

Теперь ясно, чего он ими так лихо командовал и откуда у него замашки все за всех решать. Кстати, о решениях.

– Полквартала на север, и вы сможете снять уютные комнаты и хорошо поесть. – Я махнула рукой, показывая направление.

Госпожа Бевис редко сдавала комнаты на один день, но, думаю, для четверки парней она сделает исключение.

Сейчас та самая пора, когда уже не зима и кататься на лыжах и ледянках не выйдет, разве только с веслами. Но еще не совсем весна, и сделать снимок себя на линзу на фоне цветущих Эдисских гор тоже пока еще проблематично. Поэтому туристов почти нет. И владельцы съемных комнат мечтают о скорейшем потеплении или ледниковом периоде. А погода

радует чем-то средним... Вот я и решила порадовать домохозяйку новыми постояльцами.

За год, что я у нее жила, женщина стала мне кем-то вроде бабушки. Заботливой, понимающей, которая всегда может довести вора до икоты.

– Полквартала на север, спасибо, лапушка, – расцвел Кристоф.

Обхватил рукой Юргена за плечи и потащил в указанном направлении. Вард потопал следом. Замыкали шествие мы со Змеем.

Я прожила в Йоне всю жизнь. Для меня были привычными улочки, то поднимающиеся, то резко уходящие вниз. Дома, точно грибы, растущие по их сторонам. Горные вершины в шапках ледников, которые видно даже ночью.

Мне было странно слушать восторженные вопли Кристофа, сердитое бурчание Юргена, что видел и получше. И подбадривающее сопение здоровяка Варда, очевидно, означавшее, что шатен не прав и великан поддерживает говорливого блондина.

Было удивительно замечать, как улица идет волнами, а дома будто пляшут по ней!

Змей же, напротив, оставался совершенно равнодушным.

– Не любишь горы? – спросила я, поглядывая на сосредоточенное лицо теневика.

Он пожал плечами:

– Это всего лишь неровность ландшафта.

Как все запущено!

Мы как раз подошли к светлому крыльцу дома госпожи Бевис. Прежде чем вваливаться внутрь в компании парней, я позвонила в дверной колокольчик.

Госпожа Бевис встретила нас в холле с кружкой успокоительного чая.

– Тоже сами завелись? – отпивая пахнувший травами отвар, спросила она, разглядывая выстроившихся за моей спиной теневиков и Змея, помогающего мне снять накидку.

– Ага, – улыbnулась я, показывая на шкаф для уличной одежды в углу.

Стейн тут же сунул туда мою накидку и свою дарственную шинель. Остальные не торопились разоблачаться.

– Вы же не оставите на улице четверых несчастных? – спросила я у домоправительницы.

– И твои несчастные, конечно, очень приличные создания? – скептически нахмурилась госпожа Бевис.

– Самые приличные! – заверил Кристоф.

Домоправительница покосилась на Змея.

– Мы не причиним неудобств, – подтвердил он. – Нам нужны комнаты только на ночь.

Не причиним – дверь слегка выбьем, и все. Я прикусила язык. Скажу про дверь, придется пояснять, с чего вдруг теневик решил ее вышибить. И радость победы, и страстное желание видеть меня еще раз, просто чтобы узреть мой неземной лик, его друзей вряд ли устроит в качестве объяснения.

– Четверть серебряного за всех. – Домоправительница допила отвар. – Две комнаты, селитесь по двое. Сдам на сутки. Ванная и удобства на этаже, в конце коридора. Плюс плотный ужин и основательный завтрак – столовая внизу. Ужин подам через пятнадцать минут. Не шуметь, чужих не приводить.

Змей согласно покивал.

– Вы наша спасительница! – обрадовался Кристоф.

Здоровяк Вард растянул губы в улыбке. Юрген придиричливо изучал стены.

– Прошу. – Домоправительница направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Пока парни снимали плащи и поднимались за госпожой Бевис, я ускользнула в мастерскую. Прикрыв покосившуюся дверь, уселась за заготовки.

Тихо потрескивали дрова в камине, довольно посапывала на углях саламандра, ветер бросал в стекло на окне снежинки, скреблась ветка куста. Тикали часы. В воздухе витал едва заметный сосновый аромат канифоли.

Надев перчатки, я закрепляла искры огненной магии на кольцах и складывала их на стол. Если хоть кто-нибудь еще раз уронит мою работу на пол... загрызу! И плевать, что людям кусаться не положено.

Пока руки были заняты, в голове крутился целый рой мыслей. Проклятие, замужество. Слова Змея, что у меня не выйдет стать частью его команды. Самое обидное,

он прав: умения шустро уворачиваться от противников мало, чтобы выстоять против боевого мага. Только вот выбора у меня нет. Либо сделаю невозможное, либо уютный домик и все, что нужно для жизни, кроме самой жизни. Еще и женьба эта...

Последнее кольцо с алой каплей огненной магии на ободке легло на стол.

Я ревниво покосилась по сторонам.

Саламандра опасливо попятилась от решетки в глубь камина.

Решив зазря не рисковать, я подтянула коробку, в которой прислали заготовки, и начала складывать их, проверяя крючком, плотно ли закрепились искры.

Дверь с истеричным воплем приоткрылась, и я чуть не снесла крючком искру с ободка.

– Мы недоговорили. – В мастерскую вошел Стейн, переодетый в нетронутые молью рубашку и брюки, с мокрыми волосами, все так же стянутыми в хвост.

Закрыв криво висящую дверь. Посмотрел на нее задумчиво, поднажал. Петли возмущенно заскрипели, деревянное полотно плотно встало на место.

Будто в насмешку, за дверью грохнуло, потом послышалась мужская ругань.

Мы с теневином удивленно переглянулись. Змей шагнул к двери, потянул, дернул на себя.

Дверь стояла намертво.

Стейн поднажал. Ручка осталась в его пятерне.

Дверь стояла.

На ходу поправляя защитные перчатки, я бросилась к камину.

– Извини, дорогая, но придется немного поработать. –

Я цапнула саламандру за хвост.

Элементаль возмущенно запищал, пытаясь достать до моих пальцев. Не обращая внимания на его вопли, я кинулась к двери. Змей в недоумении нахмурился.

Я приложила саламандру к петлям. Запахло паленым: затрещало, прогорая, дерево.

Я отпрянула от двери.

Деревянное полотно с грохотом рухнуло на пол, на месте петель остались выжженные дыры. Сами петли сиротливо висели на косяке.

Змей оттеснил меня и выскочил первым, на ходу сплетая черную сеть заклинания. Я, саламандра и ее дурное настроение рванули следом.

Понеслись на звук: раскатистая, замысловатая, как кружево, ругань звучала со стороны входной двери. Проскочив через холл, я выпала следом за теневином на крыльцо и от удивления чуть не выронила саламандру.

Снаружи теневики, встав плечом к плечу, оборонялись от четверки незнакомцев с закрытыми магией лицами.

– Мартина, не высовывайся, – скомандовал Змей, бросаясь к товарищам и на ходу раздавая приказы: – Вард, при-

крываешь дом. Юрг, Кристоф, смотрите в оба. Я пошел.

Блондинистый теневик кивнул, в его кармане что-то за-светилось темно-синим цветом. Кристоф отвлекся на мерцание, чем и воспользовался один из бандитов. Заклинание снесло блондина с ног. Змей выругался. Крепыш Вард прикрыл полупрозрачным, напоминающим пузырь щитом Кристофа и фасад дома.

Юрг и Змей вдвоем остались против четверых. Трех. Черная сеть Змея оттолкнула несущиеся в теневиков заклинания. Юрг ударил – и вырубил одного из нападавших.

И все равно превосходство было не на их стороне.

Тряхнув саламандру, я наскоро сплела заклинание, которым прачки подсушивают белье: получился поток теплого ветра. Вместе с ним я запустила небольшого и легкого элемента акkurat под щитом Варда.

– Фас их! – не зная, что скомандовать, выпалила я.

Саламандра от удивления перестала пищать. Воздушный поток поднес ее к ногам бандитов и потащил дальше. Не растерявшись, элементаль плюнул огнем. Бандиты дрогнули, улица наполнилась ароматом жженой шерсти. Бандиты с руганью кинулись тушить полы пальто, брюки и сапоги. Змей и Юрг накинули на супостатов черную сеть и спеленали. Выскользнувший из-за щита Кристоф что-то сделал с «неводом», и на землю упали три ругающихся свертка со сверкающими от злости глазами.

Саламандра с довольным видом долетела на воздушном

потоке до крыльца и, сердито шипя на меня, приземлилась на камни мостовой.

В кармане блондина снова замерцало. Закатив глаза, он замер на полпути к четвертому бандиту, сбитому Юргом в самом начале, и вытащил светящуюся линзу.

С их помощью можно не только показывать в небе проекции, но и записывать их и передавать на другие артефакты. А еще связываться друг с другом, если хочется поговорить.

Судя по тому, как перекосило Кристофа и как мрачно переглянулись Змей с Юргом и Вардом, теневики видеть настойчиво вызывающего их абонента не хотели. А вот он их очень даже хотел.

Линза выскользнула из руки блондина, закрутилась волчком на месте, и на дорожку у крыльца шагнула проекция высокого плечистого мужчины лет пятидесяти. В темном плаще, застегнутом на все пуговицы.

Ого! Вот бы мне такую линзу. Но нет, у меня как у всех: вызвал—ответил. И картинка только по плечи... И никаких принудительных ответов без желания абонента. Кстати, а это вообще законно?

— Развлекаетесь? — насмешливо осведомился мужчина.

Его проекция заложила руки за спину и прогулочным шагом прошла вдоль вытянувшихся по стойке «смирно» теневиков.

— Так, гении тактики и стратегии, улов сдать полиции. И быстро в родные стены. Через полтора часа в моем каби-

нете, – процедил незнакомец.

Полтора часа до столицы? Всего лишь? Из Йона до стационарного разлома ехать час! И то при условии, что в службе найма будут свободные мобили. Найти их ночью – то еще приключение.

Но теневиков это не смущало. Они дружно козырнули. Вард убрал щит. Юрг незаметно пнул пытающегося отползти бандита, единственного, не спеленатого магией. Змей хмуро на него покосился. Юрген пожал плечами и набросил на объект пинания сеть. Блондин ее затянул, превращая бандита в еще один глазастый кокон.

Незнакомец тем временем остановился, разглядывая меня и зашипевшую саламандру.

– Девушку по обмену тоже не забудьте.

– Меня? – Я ошарашенно вытаращилась на обладателя плаща.

Саламандра вопросительно пискнула.

– Вас. Вы, Леннет, единственная, кто до сих пор не истерит под кабинетом ректора, – изучая меня с явным раздражением, ответил он.

– А почему мне надо там истерить? – не поняла я.

Саламандра опасно отползла к крыльцу и возмущенно покосилась на меня: пришлось спуститься по ступенькам и взять ее на руки.

– Потому что ночное дежурство плохо укладывается в головах студентов по обмену. С вашей головой все проще: про-

спали отправки и совершенно спокойно хлопаете глазами, – поморщился этот... плащеносец.

– Как проспала? – вырвалось у меня.

– Судя по вашему свежему личику, со вкусом и посапывая, – ехидно ответил престарелый концентрат ядовитости.

А вот и «подарочек» нашего ректора подоспел! Отпустил, значит? Только забыл уведомить, что прямо со стадиона надо нестись к разлому.

– Если вы все же решили остаться в родных стенах, ради солнца и теней, оставайтесь. Если вдруг надумаете явиться к нам, зверинец брать не обязательно. Если возьмете, уход полностью на вас.

И один из преподавателей Института теневой и боевой магии (кто ж еще?) исчез.

Линза шлепнулась на ладонь Кристофа. Блондин улыбнулся мне и открыл рот, собираясь что-то сказать.

– Крис, на нас с тобой полиция. Юрг, справочники, номера личных линз извозчиков, что угодно, нам нужен транспорт, – не дал произнести ни звука Змей. – Вард, вещи. Мартина, если не передумала, у тебя пятнадцать минут.

– Ни за что! – Поглаживая саламандру, я забежала на крыльцо.

В дверях стояла домоправительница с чайником в одной руке и большой кружкой в другой.

– Тихие и неудобств никаких... – Философски отпивая успокаивающий отвар, она наблюдала, как Змей вызывает

по линзе полицию, а Кристоф складывает бандитов в компактную кучу под фонарем, облюбованным парочкой ледяных синиц.

– За дверь заплачу, – проскользнув мимо госпожи Бевис, виновато пообещала я. В конце концов, ее снесла я.

– Беги уже. Я как раз собиралась новую дверь в твою мастерскую поставить, – отмахнулась от меня домоправительница.

– Тогда я установлю на нее чары от плесени, жуков и... артефакт для гашения пламени.

Надо же хоть какую-то пользу принести.

Госпожа Бевис согласно отсалютовала мне чайником.

Вот и договорились.

С саламандрой наперевес я первым делом бросилась в мастерскую. Сгрузив элементаря в камин, собрала оставшиеся заготовки в коробку. Написала записку владельцу лавки: извинилась, что мне пришлось срочно отбыть. Вытащив короб в холл, попросила домоправительницу отправить. Оставив ношу госпоже Бевис, ринулась к себе в комнату. В панике выгребла из шкафа вещи, затолкала в чемодан что влезло. Что не влезло, засунула обратно живописным ворохом – потом разберу. На выходных. Есть же в их институте выходные?

Ровно через десять минут я волокла вниз по лестнице чемодан. Дотащив его до холла, запоздало вспомнила, что так и не сняла перчатки для работы. Я как раз стягивала вторую,

когда в кармане зажурчала линза. Сунув перчатки под мышку, я выудила ее.

На гладкой поверхности появилось крохотное изображение: курносое личико сестры в обрамлении светло-рыжих, старательно выпрямленных прядей.

С Ненси мы общались нормально. Ровно настолько, насколько могут общаться два человека с разными интересами. Мне нравилась магия и учеба. Ей – платья и приемы.

Едва я коснулась картинки на линзе пальцем, как в воздухе появилась проекция сестры по плечи, одетой в легкую белую шубку. В руках Ненси был небольшой светло-коричневый рюкзак. Странно – она носила либо крохотные сумочки, либо ничего.

– Ты же дома, да?! – выпалила сестричка.

– Да, но скоро... уеду... – закончила я, глядя на погасшую линзу.

Ненси, как всегда, взяла и отключилась! Сиди теперь и думай, зачем ей понадобилось спрашивать, где я?

Перезвон дверного колокольчика заставил торопливо сунуть линзу в карман и направиться к двери.

Ненси? А зачем вызывала по линзе, если стоит на крыльце?

Оставив чемодан у шкафа для верхней одежды, я распахнула дверь.

По ту сторону была не сестра. Парень в подбитом мехом пальто с надвинутым капюшоном. Стянув его, гость улыб-

нулся «моей» улыбкой. Из-под каштановой, как у меня, челки глянули такие же, как у меня, голубые глаза...

Глава 4

– Солнца и теней тебе. – Брат, деловито стряхивая с пальто снег, шагнул через порог.

Дверь осталась открытой: неподалеку от крыльца виднелись теневики. Здоровяк Вард подпирал фонарь, у его ног лежали рюкзаки. Змей, Юрг и Кристоф о чем-то говорили с водителем мобилы, у которого сидели целых пять энфилдов! Видимо, на нем приехал Бернад. И, судя по количеству элементарей, ради разговора со мной он выложил кругленькую сумму. Чем больше энфилдов сольются с артефактом в мобиле, тем быстрее он едет. Правда, все равно не так стремительно, как верхом на лисе. Но братик любит комфорт.

– Надо поговорить, Тишка. – Бернад оставил пальто в покое.

Я подошла к шкафу, сунула перчатки в карман накидки и вытащила ее.

– У тебя четыре минуты, Берни, потом я уйду.

Брат скривился: один – один. Мне не нравится имя «Тишка», – прямо как мартышка! – но Бернад регулярно меня так называет. А я не люблю быть в долгу. У его имени тоже есть варианты, которые заставляют брата морщиться.

– Думаешь, если сбежишь, проблема будет решена? – Бернад подошел вплотную, голубые глаза раздраженно блестели, в каштановых волосах искрились снежинки.

– Я не сбегаяю, а перевожусь. И да, хочу решить свою проблему. – Я застегнула пуговицы на накидке, подцепила чемодан за ручку.

Брат заступил дорогу.

– Мелкая, это не поможет.

– Откуда ты знаешь? Вы же даже не пытались, – поморщилась я, обходя Бернарда.

– Все проверено до нас, в этом нет смысла, – отзеркалил мою гримасу брат, схватил за плечо и развернул к себе лицом. – Послушай, просто смирись. Все будет хорошо.

Но явно не у меня!

За спиной раздалось сердитое покашливание.

– Девушку отпустил, – процедил Змей, огибая меня и перехватывая руку Бернарда.

– Не твое дело, – отозвался братец. – Она моя сестра.

– Уже понял. – Стейн с едва заметной усмешкой медленно отвел его руку в сторону.

Брат был всего на полголовы ниже теневика и куда шире в плечах, но не мог ничего сделать.

Я положила ладонь на сцепленные руки парней, пытаюсь их разъединить.

– Хватит!

– Вечно тебе все спускают! – неожиданно зло выдал Бернард. – Все, мелкая, конец твоей свободе! И никуда ты не денешься! Наконец-то все прекратят носиться с тобой!

Слова ударили сильнее пощечины: столько ярости и скры-

той радости прозвучало в них, что я, ошарашенно глядя на Бернарда, не знала, что сказать.

– Подобрал себя и вышел, – едва слышно выдохнул Змей. – Иначе я тебя выйду отсюда, причем не факт, что целиком. А Мартина вряд ли будет в восторге от этого. Ты же ее братец.

Брат отдернул руку и скривился. Потом нахмурился, в голубых глазах промелькнуло непонятное недоумение. И Бернард, толкнув плечом Юргена, за время нашего разговора оказавшегося на крыльце, вылетел на улицу.

– Надо бы догнать, – задумчиво сказал ему вслед Змей и мотнул головой.

– Это приказ? – азартно уточнил Юрген, следя за тем, как Бернард ругается с водителем, а потом грузится в мобиль.

В переднюю часть железного коня нырнул... один энфилд. Остальные четыре, освобожденные от связи с артефактом, сидели рядом с Кристофом и Вардом.

– Нет, не приказ, – ответил Юргену Змей.

Отнял у меня руку и потер пальцами лоб. Темно-русые брови сошлись на переносице.

– Я сам разберусь.

Юрг с сожалением проследил за отъезжающим мобилем.

В голове звучали слова брата: «конец свободе», «никуда ты не денешься», «прекратят носиться с тобой». Я-то думала, что меня не замечают. Что я лишняя. А оказывается, Бер-

нард мне... завидует? Мне?

В кармане зажужжала линза. Вытащив ее, я увидела личико сестры. Едва нажала, как Ненси выпалила:

– Я тут! То есть у дома! В общем, я тебя вижу. Ты выходишь, да? – И отключилась.

– Мартиша! – Радостный голосок сестры прозвучал у крыльца.

Спустя миг облако белоснежного меха и светло-рыжих волос налетело на меня.

– Ты правда перевелась к боевым магам? – Выпустив меня из объятий, сестра стиснула мои ладони холодными пальцами.

– Правда.

– Поторопись, мы отправляемся. – Змей понимающе улыбнулся, отобрал у меня чемодан и вышел на крыльцо.

Ненси лукаво покосилась на него, хитро глянула на меня и оттащила к лестнице.

– Симпатичный!

Кто о чем, а она парнях!

– Не рано тебе на парней заглядываться? – подколола я сестричку.

– Мне как раз, а вот тебе скоро будет поздно, да, старшая сестра? – рассмеялась Ненси.

Старшая, но не настолько. Всего на два года.

– Ты правильно делаешь! – неожиданно громким шепотом выпалила сестричка, тиская мои руки пальцами.

– Эм... Что именно делаю? – не поняла я.

– С отцом не соглашаешься, – ответила Ненси.

Неожиданно!

– Нельзя так... – пояснила она. – Дом и все остальное... Неправильно это все. Ты же не виновата, чтобы тебя под арест сажать. Папа преувеличивает! Что плохого в правде?

– Я тоже так сказала. – Но запись в кристалле утверждала обратное.

– Я вот всегда правду говорю! – просияла сестра, отпустила мою руку и хлопнула себя по лбу: – Забыла!

Она стянула с плеча небольшой светло-коричневый рюкзак, тот самый, что я видела, когда она связывалась со мной первый раз.

– Это тебе! На удачу! – Она вручила его мне и хитро добавила: – Ты же до сих пор хранишь того мишку?

Ничего я не храню! А плюшевый медведь всего лишь лежит в моих вещах. Просто так. Как напоминание о детстве, когда я не замечала, что родители ведут с нами себя по-разному. К слову, в институт теневигов я его не взяла. Забыла. Слишком резко на голову свалилась программа обмена. Может, это знак? Не нужно цепляться за прошлое?

– Тут энфилд, плюшевый, маленький, тепленький, почти как живой! – прошептала Ненси, сжимая мои пальцы ладонями и заставляя стиснуть ремень рюкзака. – Пусть будет с тобой. Я ведь не могу поехать: нас с мамой и отцом при-

гласили на три приема. Но потом обязательно приеду! Папа обещал на сезон балов снять дом в столице!

Одни домики. Мне в уединении. Остальным в столице. В столице! Похоже, дела отца не просто идут в гору, как было всегда, а летят!

– Ой, тебе пора? – Ненси, вытянув шею, выглянула в открытую дверь.

Теневики сидели на спинах энфилдов. Лисы пофыркивали. Судя по нетерпению в глазах парней, ждали только меня.

– Ты вызывай меня по линзе, ладно? Если тебе что-то надо, тоже. Папа, конечно, все чеки проверяет, но я что-нибудь придумаю... Удачи! – Ненси обняла меня и накинула ремень рюкзака на шею, звонко расцеловав в обе щеки. И с присущей только ей непосредственностью спросила: – А твоя домоправительница далеко? Мне бы мобиль вызвать, а то я свой отпустила. Не надо было, но я так спешила, а он в луже колесом застрял, а я боялась, что ты уйдешь куда-нибудь... Госпожа Бевис! Я сестра Мартины, можно вас попросить об одолжении?!

– Нужно! – донеслось со второго этажа.

– Иди, не люблю провожать! – Ненси шмыгнула носом и понеслась вверх по ступенькам.

Спустя минуту со второго этажа донеслось:

– Госпожа Бевис? Как я рада познакомиться! Ой! Простите! Не так. Добрый вечер, госпожа Бевис!

– Ой, – хмыкнула я, набрасывая ремень рюкзака на плечо.

Потом посмотрю, что там за чудо-игрушку принесла сестра.

Накинув капюшон, я вышла в пахнущую смолистыми почками и снегом ночь.

Мой чемодан обнаружился у созданного из магии теней седла на спине энфилда Змея. Значит, мне ехать тоже с ним.

Увидев меня, Стейн покрутил указательным пальцем в воздухе, словно пытался изобразить летящее семечко ясени.

Юрг и Вард пришпорили пятками энфилдов, и элементарли понеслись по заснеженной улице. Кристоф не торопился за ними.

– Что за солнышко там тебя обнимало, а, лапушка? – косясь на дверь, спросил он.

– Сестра, – сухо отрезала я.

Парень забавный, шепутной. Но как сестра Ненси я бы не хотела видеть с ней рядом такого лапушно-солнечного индивида.

– Понял. – Кристоф развел руками, и его элементарль радостно фыркнул и понесся за остальными.

Змей протянул руку, ловко усадил меня перед собой. Бокком. Я нерешительно обняла его рукой за шею. Ладонь коснулась кожи между воротником пальто и волосами. Мне стало жарко, потом холодно...

Попробовала убрать руку. Но либо было неудобно, либо я все равно, так или иначе, касалась горячей кожи парня. Вот почему у него воротник не стойка! Вдруг кто решит дер-

жать Стейна за шею?

Ой, как говорит сестричка, что-то я не то думаю!

Змей присвистнул, и наш энфилд бросился догонять товарищей.

Неровный ход зверя примирил меня с тем, что под моими пальцами чужая шея. Отпущу – улечу напрямиком в подтаявшие сугробы или, хуже того, в лужу. По ним я сегодня налазилась, спасибо!

Замелькали витрины, фонари, полуночные прохожие, недовольно идущие по лужам среди островков снега. На улице потеплело.

– Надо бы вызвать твоего братца на дуэль, – пробормотал Стейн.

Какая дуэль? О чем он?

– Не надо дуэлей! Он просто хотел убедить меня согласиться с отцом... – Я поперхнулась пламенной речью.

Змей молчал.

– Эй? Ты чего? – тихо спросила я.

– Я не собирался тебе говорить.

– О дуэли?

– Да.

Проклятие! Совсем о нем забыла. А оно обо мне – нет. И еще: я, тени побери мать императора, жена! А оно усиливается, даже при обручении! Или Змей случайно проговорился и проклятие тут ни при чем?

Не отрывая ладони от его шеи и стараясь не краснеть, я ти-

хо уточнила:

– То есть ты не станешь вызывать Бернарда на дуэль?

– Хочу. Но не стану. Вряд ли он владеет мечом. А дуэль на кулаках – это простой мордобой, до магического поединка он у тебя еще не дорос, – предельно четко и откровенно ответил Стейн.

– Бернард не маг.

– Ну вот, – согласился он и мотнул головой: – Похоже, когда мы с тобой летали по стадиону, не только Юрга куском пирамиды приложило. Так и тянет правду сказать!

Это его не доской, а мной приложило! И как мне теперь держаться? Упаду ведь. А если Змей будет всю дорогу вещать правду и только правду, точно догадается, с чего вдруг его на откровения потянуло.

Но ведь потянуло его раньше... и брата тоже потянуло... И началось это, когда я положила ладонь на их пальцы. То есть мне нельзя касаться других? В смысле, без перчаток?

Я незаметно переместила руку с шеи теневика на ткань. Ну и что спросить, чтобы он точно соврал? Или отказался сказать правду?

– Я тебя раздражаю? – не придумала ничего лучше я.

– Не раздражаешь. Иногда ты выводешь меня из себя, – хмыкнул Стейн. Наш лис бодро обскакал элементаря Кристофа.

– Сильно вывожу? – уточнила я.

Ну промолчи же!

Змей неопределенно пожал плечами.

Получилось!

Энфилд обрадованно фыркнул, высоко подпрыгнул, перескакивая через Кристофа и его лиса. Подлетев в седле, я вцепилась в Стейна. Пальцы опять скользнули по его шее.

С этим надо что-то делать! Как-то изолировать мои руки от чужих шей и конечностей. Желательно придумать простое объяснение, и боязнь прикосновений – не вариант. Я в институт боевых магов еду. Надо заизолировать меня, и точка...

Перчатки! Те самые, что носят все бытовики и прикладники во время работы. А я буду не только во время нее. Вот такой у меня пунктик.

Сунув руку в карман накидки, я вытащила перчатки. Пока натягивала, Змей заинтересованно следил.

– Не знал, что защитные перчатки помогают от холода.

Я глубокомысленно промолчала, вспомнив, что проклятие работает в обе стороны.

Хорошая новость: желания немедленно просветить Змея об истинных причинах ношения перчаток не имелось. Значит, проклятие набирает силу не так быстро и кардинально, как описал отец...

Тем временем наш энфилд обогнал Варда и Юргена. Юрг громко выругался и дернул своего элементалю за уши. Оскорбленный лис извернулся во время прыжка и сбросил наездника в лужу. Под хохот парней Юрг снова заскочил

в седло, и наш отряд двинулся к площадке, сверкающей огнями тонконогих фонарей. Место разлома от последних домов окраины отделяла широкая полоса по-весеннему зеленеющей травы с белыми холмиками снега.

Разломы – наследие древних времен. Времен, когда первые из них принесли в наш мир магию. Ее частички, соприкоснувшись с животными, создали элементарей. С людьми – магов. Но сила разломов иссякла. А может, просто все, что они должны были дать нашему миру, они дали. Так или иначе, но чудес разломы больше не несли.

Энфилд задорно твякнул, подпрыгнул особенно высоко. Я вцепилась в Стейна как клещ.

Лисы дружно, почти морда в морду, затормозили у края площадки. Каменного круга, окруженного фонарями. В центре темной молнией змеился разлом, вспыхивая то черным, то белым, то радужным пламенем. У края площадки висела проекция магической карты с указанными разломами: местами, где они открываются, и планами городов. По ним можно было прикинуть, куда дальше держать путь.

С помощью Змея спустившись на землю, я подошла к карте.

– И все равно я вас на пару сантиметров обогнал! – довольно заявил Крис.

– Ага, мечтай, – дружно фыркнули Змей и Юрг.

Вард покачал головой.

Парни занялись магической упряжью. Ее надо было снять,

прежде чем отпустить лис.

А я убрала карту Фридрихольма и открыла карту мира.

В детстве мы с Ненси и Бернардом часто так развлекались. Брали атлас и наперегонки называли королевства, моря, старались первыми сказать, как называется океан, в котором плавал похожий на бесхвостого ската материк.

Океан назывался Рес. В нем и плыл наш «скат».

– Решила просветиться? – громко хмыкнул Крис, распутывая сплетенное из теней седло.

– Вспомнить, – вздохнула я.

Как мне было хорошо и радостно когда-то с братом и сестрой...

– Вспомнить, что за блин с ушками перед тобой? И почему он в шляпе? – развеселился блондин.

– Я и так знаю, что это.

Наш материк. Раньше назвался Фридрихольмом. Как наше королевство. На тот момент единственное на нем и бывшее империей. Но те времена давно прошли.

– Проверим? – подмигнул Кристоф. – А то моя кузина тоже говорила, что знает карты в лицо, в итоге очень удивилась, увидев ее, и сказала, что я дал ей рисунок с бабочкой в шляпе!

– Я не твоя кузина, – я пожала плечами.

И у меня не бабочка, а скат. На бабочку вообще не похоже!

– Да что ты! – не поверил блондин. – Тогда скажи,

что за кругляши внизу?

– Дааран, – не задумываясь ответила я, проводя пальцами по карте.

Родина моей домоправительницы действительно была снизу от «ската». На юге от континента, за Ровным морем. Острова Даарана напоминали бисер. Там жили так, словно прошедшие сто лет прошли мимо.

– Ладно. А шляпа сверху? – не унимался блондин.

Его лис заинтересованно прислушивался.

С верхней стороны «ската» за Северным морем одиноко плыл большой остров.

– Норк.

Королевство-остров, скалистый, холодный, известный своими редкими минералами, из которых выходили лучшие артефакты. Именно поэтому Фридохльм когда-то отвоевал у горцев часть Эдисских гор. Нам был нужен выход в Северное море, чтобы торговать с Норком напрямую.

Эдисские горы шли по краю головы «ската» на севере и, изгибаясь, тянулись на запад, по основанию его крыла, постепенно истончаясь.

– А в центре бабочки что? – тут же озадачил Кристоф.

– Издеваешься? – усмехнулась я.

– Нет, – расплылся в улыбке блондин.

Подкалывает. Ладно.

– Наше королевство.

Фридохльм занимал середину «ската». Наше королев-

ство тянулось от северного побережья за Эдисскими горами до Ровного моря на юге.

Соседей у нас было много.

Горцы. Жившие со времен появления мира в Эдисских горах. Весьма беспокойный народ, где в каждом поселке свой король. И никто не знает, решит он воевать с соседями или заметит границу с Фридохльмом и подумает увековечить свое имя нападением на нее.

На западе у нас тоже было довольно «весело».

– А со стороны левой руки у тебя какие королевства? – Очевидно, Крис все никак не мог поверить, что я и его кузина – разные люди.

– Вернфрид, Вилесса, Квирина, – показывая пальцем, перечислила я.

Слева, на западе, у нас имелось сразу три соседа.

Громадина, заросшая лесами, Вернфрид – королевство, у которого с нами граница была по тем же горам. И две малютки: Вилесса и Квирина. Они точно блинчики в стопке были на карте друг над другом. Вилесса севернее, Квирина южнее.

Эти три страны когда-то были частью Фридохльма. Но наместники взбунтовались, в итоге откололось сразу три «куска». И эти куски до сих пор мечтали оттяпать от Фридохльма земель.

На востоке нашего королевства тоже было нескучно.

– А... – открыл рот Крис, показывая на восточную часть

материка.

– Тебе справочник подарить? – перебил его Змей. – Упряжь к утру закончишь снимать?

– Нет. Лапушка напомнит мне, что там у нас справа, и сниму, я ж спать не смогу, не вспомнив, что там такое! – отшутился блондин.

– Ортрун и Агда, – выдала я.

Да, на востоке от Фридохльма располагалось не так много государств.

Во-первых, Ортрун, он же Ортрунский каганат, он же название пустыни, на юго-востоке. Правил там каган, мечтающий захватить весь мир. Его стараниями свободные пустынные подделились на пустынных, признавших его власть и радующих соседей набегами. Или не признавших, но не видевших ничего страшного в легком разбое.

Во-вторых, Агда на северо-востоке. Королевство, обнесенное стеной. Закрытое. Где правит свой император. У нас с ними вечный мир. Но кто знает, что взбрдет в голову тому, кто засел за магической стеной?

Добавить к этому разломы, через которые можно переноситься не только по своей стране, но и в другое королевство. Благо пронести с собой можно не так много. И получится весьма сложная политическая обстановка семь дней в неделю, каждый месяц, круглый год.

Как наш император со всем этим справляется, умудряясь ставить на место соседей и одновременно заключать

с ними же выгодные сделки, способствующие процветанию Фридохльма, для меня было загадкой.

– Слушай, лапочка, – начал Кристоф.

– Крис! – не дал договорить Змей.

Юрг, Вард и Стейн уже освободили своих лис от магических пут и отпустили.

Блондин замолчал, накинулся на переплетение теней так рьяно, что энфилд начал посматривать на него с опаской. Очевидно, боясь, что вместе с упряжью исчезнет и часть его шерсти.

А я решила воспользоваться паузой и посмотреть карту столицы: прикинуть путь до нового места обучения...

Выход из разлома был на окраине столицы, неподалеку от большого поместья, которое и было Институтом теневой и боевой магии.

Центр обнесенной каменным забором и магической защитой территории занимал огромный особняк в три этажа. От него в разные стороны разбегались дорожки и дороги. Они вели к зданиям, площадкам, странным строениям, форму которых было сложно описать: казалось, архитектор пытался увековечить в них приступ морской болезни, так их «качало». Кроме чудес архитектуры имелись скверы и кучно насаженные деревья, разбросанные по всему поместью.

Я дотронулась пальцем до изображения одного из странных зданий, но проекция категорически отказывалась увеличиваться.

– Закрытый объект, – процедил сквозь зубы Юрген.

Шатенистый теневик поправил лямку рюкзака и шагнул на мерцающую темным пламенем полосу разлома. Миг – и он исчез. Здоровяк Вард меланхолично покосился на замерших в шаге от меня Кристофа и Змея и ступил в черное пламя.

– Лапушка, наша очередь. – Блондин потер кончик носа и искоса глянул на Стейна.

Брови Змея насмешливо приподнялись, пальцы стиснули ручку моего чемодана, стоявшего рядом с теневиком.

– То есть моя очередь, – хохотнул Кристоф, подмигнул мне и исчез в черном огне разлома.

Стейн взмахом руки пригласил меня войти в магический огонь первой. Стиснув ремень рюкзака, я сглотнула. Во рту вдруг стало сухо, как в пустыне. Коленки задрожали. От института теневиков меня отделял один шаг! Ну ладно, один шаг через разлом и еще много шагов до территории института.

– Вовремя ты передумала, ничего не скажешь. Где теперь тебе энфилда искать, а, мышка? – пробормотал Змей, представляя чемодан ко мне.

Я не передумала!

– Просто прицеливаюсь! – Я обогнула теневика и вошла в темное пламя под его насмешливое:

– Не промахнись, снайперша!

Перед глазами потемнело, потом стало светло до рези, за-

тем серо, словно ты канарейка в клетке и на тебя вначале набросили ткань и тут же сдернули, а ты все никак не можешь проморгаться. Серая мгла исчезла так же быстро, как и появилась.

Сырой, снежно-весенний Йон остался позади. Меня встретила теплая, пахнувшая цветущим садом ночь Вальхарда.

Ехидный мужской голос не дал оглядеться:

– А вот и реликвия с сопровождением: Мартина Леннет собственной персоной.

Напротив меня, на краю площадки под фонарями, стоял седовласый преподаватель, отчитывавший парней по линзе. В жизни он оказался не таким массивным и явно младше пятидесяти лет. Вместо плаща на нем была темная мантия до середины бедра и брюки. По обе стороны от преподавателя сидели каменные горгульи. Глаза крылатых сопровождающих преподавателя светились зеленым огнем, морды, напоминающие львиные, заинтересованно скалились, уши шевелились. На шее поблескивали золотом ошейники с круглыми медальонами, похожими на карманные часы с замысловатым растительным узором на крышке.

Големы – оживленные магией статуи!

Я читала о них, но видеть не приходилось.

Одна из горгулий дернула нетопыриным крылом, отгоняя комара, словно камню могло навредить какое-то насекомое. Скорее уж комара ждала смерть от вывиха хоботка... или от

осознания собственной незначительности.

– Ваше опоздание на пять минут дало мне время немного прогуляться и вспомнить философское изречение Тауриса Морского: «Где я, там мир». Вот и я решил, что где я, там мой кабинет. И раз вы не изволили явиться, я явлюсь к вам. – Преподаватель заложил руки за спину и прошелся вдоль края площадки.

Я запоздало покосилась по сторонам.

Выйдя из разлома, я оказалась точно в шеренге теневиков. Слева стояли Юрг, Вард и Кристоф. Справа – Змей с моим чемоданом.

Преподаватель остановился напротив меня, смерил взглядом.

– Четыре боевика не смогли вовремя затащить в разлом одну бытовушку? Прискорбно.

Он развернулся ко мне спиной и шагнул к Стейну.

– Я не только на бытовой магии специализируюсь, – пробурчала я.

Бытовушка! Тоже мне, магический расист нашелся!

– Да что вы говорите? – Преподаватель обрадованно развернулся. – Просветите, в какой сфере вы столь ценный специалист?

А он тот еще умелец по созданию словесных ловушек!

– Пока я не специалист, но буду специалистом по бытовой и прикладной магии, – выкрутилась я.

– Я вас понял. – Тонкие губы тронула едва заметная

усмешка.

Все, я попала. Теперь он точно мне этого неспециалиста припомнит!

– Похоже, остальным тоже можно смело примерять звание неспециалиста боевой магии, – зло отрезал преподаватель, отходя к фонарям. – Тени вас укрой, что за салочки вы устроили на стадионе? Решили повеселить зрителей? Ну вы их и так повеселили, когда вытащили своих противников с полосы. Повеселили, завоевали симпатии. Я даже согласен был закрыть глаза на штрафные баллы. И даже придумал объяснение для ректора, с чего вдруг у команды, которую я тренирую, возникла такая странная тактика. Но нет – вы решили сыграть в хватай-беги!

Я открыла рот... и закрыла. Парни молчали. А мне как-то надо будет пробираться в ряды команды, меня и так уже запомнили. Причем не кто-нибудь – тренер!

– Ладно, пусть бы была беготня, но кто вам разрешил проигрывать? – продолжал тренер, сверля взглядом Змея.

Стейн смотрел прямо ему в лицо и ничего не говорил. Остальные тоже будто языки проглотили.

– Они не проиграли, – не сдержалась я. – У нас была ничья. А в итоге ваша команда победила.

– Спасибо, – скривился преподаватель, – мне как раз не хватало секретаря, способного просмотреть записи, которые гуляют во всех новостях по линзам, и напомнить мне, как было дело. Ведь я сам никак не мог разобраться.

– Я не хотела...

Меня дернули за руку справа и толкнули в бок слева.

Змей едва заметно, отрицательно качнул головой. Кристоф еле слышно прошептал:

– Тихо.

– Дорогуша, – тренер чуть наклонился вперед, мне захотелось отступить, хотя стоял мужчина далеко, – ничья для моей команды – позор. А если вспомнить, что один из игроков не схлопотал дисквалификацию лишь потому, что судья оказался его дальним родственником, позор вдвойне. Думаете, бытовики упустят такой шанс? Нет. Их ректор сделает все, чтобы они выползли в первый тур. А вот куда уползете вы с такими умениями, я не знаю...

Прекратив сверлить меня взглядом, преподаватель склонил голову набок, глядя на Змея.

– Какого бешеного энфилда у тебя нападающий стал глухим и слепым? – И, не поворачиваясь, добавил: – Юрген, тебе что, доктора мозг ампутировали? Смертельное заклинание против ребенка?

– Я не ре... Ай!

Сердито покосилась на Змея, без зазрения совести наступившего мне на ногу.

Но тренер мой возглас все равно заметил.

– Так, дитяtko по обмену, к тебе как раз вопросов нет. За полосу минус десять, за умение быстро бегать плюс три, за все остальное по мелочи... Итого, минус один и два-

дцать, – выдал он.

Минус один и двадцать? Это как? Это что? Это за что вообще?

– За стремление к победе – освобождение от сегодняшнего ночного дежурства, – добавил тот, от математики которого хотелось взвыть. – На этом для тебя все. Свободна.

Он поднял правую руку, горгулья шевельнула головой, разминая плечи.

– Проводи ее. – Тренер показал на меня.

Каменная махина расправила крылья и кровожадно осмотрела меня, словно я была сочным стейком.

– А может, я сама провожусь? – предложила я, отступая за спину Змея.

– Вот, верная оценка своих сил и ситуации, – непонятно чему обрадовался тренер. И бросил горгулье: – Хватит.

Каменный монстр закатил глаза и вздохнул, будто там было чему дышать. Взлетел, попутно подцепив длинным заостренным хвостом мой чемодан, и кивнул, приглашая идти за собой.

Глава 5

Идти следом за летящей горгульей оказалось тем еще удовольствием. Крылатый монстр несся так, словно ему до безобразия надоела я и мой чемодан. На просьбы слегка притормозить зверюга не реагировала.

Пыхтя, я бежала за вредной каменной машиной, проклиная тот момент, когда надела тяжелую теплую накидку, совершенно забыв, что в столице уже настоящая весна, без снега и перепадов температуры.

Горгуля летела напрямик, а я бежала как получится. Времени на раздевание не имелось от слова «совсем».

Тротуар... трава... кажется, газон... освещенные фонарями и увитые плющом ограды домов справа... Опять кусок мостовой... Снова зеленая трава, не то роща, не то сквер.

Пока я виляла, точно пьяная, среди усыпанных белыми цветами деревьев, провожатая исчезла. Только среди веток, на фоне ярких звезд, мелькала крылатая фигура с чемоданом на хвосте, и вот ее нет.

Кто-то теряет иголку в стоге сена, а я горгулью посреди неба!

Зато можно больше не торопиться.

Стянув с плеча ремень рюкзака, я сняла накидку. Повесила подарок сестры обратно. Поглядывая по сторонам, пошла дальше, вспоминая карту.

Парк там был, и если я все правильно запомнила, чтобы выйти к институту, надо двигаться прямо.

Громоздкая накидка в руках мешала, я решила перекинуть ее через плечо. Но только забросила, как на меня с сердитым рыком спикировала горгулья.

Не успела я испугаться, как оказалась висящей кверху ногами над макушками деревьев. Юбка платья тут же устремилась к голове. Не достала, длины не хватило. Радовало, что на улице ночь и шерстяные чулки с теплыми короткими штанишками никто не видит.

Накидка и рюкзак тоже решили, что им лучше будет внизу. Я дернулась за ними, но поймала только ремень.

Накидка красиво расправилась и прикрыла макушку дерева, мимо которого меня тащила горгулья.

– Ты специально? – Я возмущенно дернула подбородком, сдвигая лезущую в рот ткань платья.

В очередном рыке горгульи мне послышался ехидный смех.

Специально.

Ладно, бабочка-переросток, сама напросилась.

Кажется, именно эта горгулья дергала крылом, отгоняя комара?

Стараясь не выронить рюкзак, я присмотрелась к каменному монстру. Как и думала, вокруг него имелось едва заметное серое плетение, отпугивающее комаров, и оно было местами повреждено. Его явно пытались уничтожить. Толь-

ко делал это не бытовик.

Вытянув руку, я порадовалась, что мои коллеги – практичные ребята. Ткань обработана особым образом: если понадобится своя магия, стягивать перчатку не нужно.

Оранжевые огоньки появились над моей ладонью и устремились к слабым местам заклинания: крылья, шея, грудь горгульи. Сильно сомневаюсь, что ее могут покусать комары. Она ж каменная! Но нервы я этой интриганке, у которой явный пунктик на насекомых, попорчу. Немного, чтобы больше не таскала бытовых магов кверху ногами.

Почувяв неладное, зверюга покосилась на меня.

– Хорошо летим! – Я помахала ей свободной рукой, прижимая к себе рюкзак.

Горгулья удивленно рыкнула, закрутила головой. Серая сеть на коже каменного монстра расплзлась на глазах.

Горгулья опять рыкнула, кажется, что-то ругательное. Я крепче вцепилась в рюкзак.

Рюкзак тихо заскулил!

В воздухе зазвенело, загудело.

Что за?..

Чуть не выронив ношу, я потрясенно уставилась на черную тучу мошки, атаковавшую горгулью. Отмахиваясь от насекомых, она старалась не отправить меня навстречу вымощенной камнем дороге, над которой мы летели.

Рюкзак продолжал тоненько поскуливать.

Горгулья услышала и изумленно посмотрела на меня:

на морде были видны лишь сияющие зеленым огнем злые глаза.

– Снижайся! – Руки были заняты «плачущим» рюкзаком. Я дернулась, точно рыбка на крючке, пытаюсь показать на дорожку под нами. – Я все верну, – добавила нехотя.

Не каменный монстр, а турист на летней рыбалке, которому в лавке продали бракованный амулет от насекомых.

Горгуля недоверчиво рыкнула.

Я на миг повисла в пустоте, подавившись криком. Потом меня подхватили под мышки когтистые лапы и поставили на траву у дороги.

Я ни разу не акробат!

Колени дрожали, ноги подгибались. Рюкзак, который тоже подбросили и перевернули вместе со мной, молчал.

– Эй, ты там живой? – пробормотала я, открывая замок.

Внутри, в гнездышке из мягкой ткани, сидело насмерть перепуганное чудо. Трехцветная шерстка, острые уши, вытянутая мордочка, едва наметившиеся перышки на наружной стороне тонких лап. И пушистый хвост. И все это могло легко уместиться на моей ладони...

Я ошарашенно смотрела на подрагивающую мордочку лисенка... точнее, крохотного энфилда.

Зажужжало, зазвенело, хлопнули каменные крылья – рядом со мной грузно приземлилась, отмахиваясь от комаров, горгуля. Серdito рыкнула.

Лисенок забился в ткань, сжался в комок.

– Тихо ты! Нечего маленьких пугать. – Я закрыла рюкзак, осторожно перекинула ремень через плечо.

Отогнав комаров от морды монстра, я начала заново создавать защиту от насекомых. Почти закончила, когда медальон на шее горгульи зажуужал, из него вылетела линза, и на дороге появилась проекция тренера.

– Я тебе сказал проводить ее до казармы, а не устраивать экскурсию.

Он оборвал прочувствованную речь и обошел нашу живописную композицию: горгулья, я у ее бока, почти готовое заклинание и туча обиженных комаров.

Я закрепила последнюю нить заклинания и выползла из-под крыла.

И тут рюкзак опять тихо заскулил.

Горгулья прорычала что-то недовольное и, судя по тону, очень матерное.

– Я не глухой, – ответил каменному монстру тренер. И уже мне: – Ну и кого вы там приволокли? Выкладывайте.

Выложить лисенка оказалось проблематично: он закопался в ткань и мелко трясся. Я повернула открытый рюкзак к преподавателю.

– Всего месяц от роду. Совсем мелкая, нетипичный окрас, трехцветный – от таких самки отказываются. Явно опоили каким-то успокоительным зельем. Видимо, чтобы была больше похожа на искусно сделанную дорогую игрушку, – задумчиво изучая лисенка, выдал преподаватель.

Я ошеломленно молчала.

– Ну и кто вам подарил этого страшного зверя? – прищурился тренер.

– Сестра. А почему вы думаете, что я сама не могла егокупить? – Кажется, вопрос был лишним.

– Потому что вы бы как минимум удивились, не заметив на такой сложной игрушке ни одного защитного заклинания, – процедил тренер.

Очень удивилась бы. На моем самом обычном плюшевом мишке стоят три заклинания: от пыли, от намокания и от моли.

– Отведи их вначале к доктору, – продолжал тренер, обращаясь к крылатой вредине.

Горгулья вопросительно рыкнула. Кажется, спросила, на кой нам туда?

Вот мне тоже интересно – зачем?

– Пусть энфилда посмотрит. – И, улыбнувшись мне улыбкой барракуды, тренер обрадовал: – Милочка, поздравляю, вы только что стали матерью.

Как-то неожиданно... То женой, теперь матерью. Так скоро до бабушки доберусь и не замечу!

– Может, ее в приют отнести? – Перспектива лисьего материнства слегка пугала, особенно если вспомнить, что меня ждала учеба и команда, которая еще не знала, что я обязательно стану ее частью.

– Если не жалко, несите, – пожал плечами преподаватель.

Я покосилась на трясущийся комок в рюкзаке, осторожно погладила трехцветную шерстку. Лисенок вытянул мордочку и потянулся за пальцем.

И... Все. В мои планы начал встраиваться крохотный энфилд.

– Лиса маленькая, в павильон для живности ее нельзя – нужен круглосуточный уход, – тоном искусителя просветил тренер. – Ваши занятия никто не отменит.

Я отрицательно покачала головой.

– Прекрасно! – открыто и на удивление тепло улыбнулся преподаватель, задумчиво покосился на рюкзак и добавил: – Так и быть, выделю вам помощника. Ему надо потренироваться думать не только о себе.

– Не надо, я сама, – торопливо отказалась я, закрывая рюкзак и прикрывая его руками.

Мое! Я ж мать! Вроде бы.

– На практические занятия по боевым заклинаниям тоже с собой будете ее носить? – Брови тренера приподнялись.

Я вздохнула: не буду, конечно.

Тренер снисходительно хмыкнул, и проекция пропала. Золотистая линза юрко залетела обратно в медальон на шее горгульи, и тот захлопнулся.

Моя провожатая показала передней лапой на большие кованые ворота, к которым вела дорога. На массивных столбах с двух сторон от створок сидели два каменных василиска: тело змеи, голова и крылья петуха. Статуи выглядели вну-

шительно.

Когда мы дошли до ворот, глаза василисков засветились зеленым огнем. Петушинные головы покосились на нас, но горгульи, это тоже были они, видимо, ничего нелегального у меня не обнаружили. Створки бесшумно распахнулись, пропуская внутрь.

Едва мы минули столбы с василисками, как ворота захлопнулись.

Я с любопытством разглядывала широкую дорогу, стрелой уходящую к зданию института, кажущемуся крохотным из-за расстояния.

Вот она – обитель боевых магов!

Тех, кто несет службу в армии, полиции, сыске и других не менее важных государственных органах, защищая нас, простых жителей, от магов (своих и чужих), магии (артефакты и заклинания иногда тоже выходят из строя) и нежити.

Маги и нежить существа весьма непредсказуемые. Среди первых так и норовят завестись те, кто, осознанно или нет, может устроить катастрофу. А вторая появляется в местах, где случались выбросы магии. Причем никто не может точно сказать, изменит магия что-то неживое или нет и каков будет результат этого изменения: милая зомби-мышь или то, что может уменьшить население целого квартала до нуля за полчаса.

Горгулья вопросительно рыкнула, перерывая мои восторженные мысли, тронула меня за руку, показала на свои кры-

лья и небо.

– По воздуху быстрее? – догадалась я.

Она уверенно кивнула.

– Только не кверху ногами!

Горгулья закатила глаза и показала когтистым пальцем на рюкзак.

О, вот оно как, значит! Маленьких мы не обижаем! Только адептов по обмену?

Рюкзак заскулил и смолк.

– Хорошо, давай по воздуху, – буркнула я.

По крайней мере, посмотрю сверху, как тут все устроено.

Но горгулья оказалась слишком заботливой. Заботливо сцапала меня за талию, повернула к себе лицом и, поглядывая на рюкзак в моих руках, воспарила в небо. Летели мы мордой к лицу от силы пару минут. Приземлились у одноэтажного здания, построенного буквой «п».

Вход располагался посередине, у двери нас встретил хмурый парень в черной мантии с цифрой «один» на груди и карандашом за ухом.

Горгулья прорычала ему что-то вроде: «Сдать доктору!» – и взмыла к звездам вместе с моим чемоданом.

Надеюсь, она его в общежитие понесла, а не на свалку?

– Понял, – недовольно ответил теневик и, очевидно, студент-первокурсник, которому выпало дежурить в больнице при институте.

Вытащив из кармана блокнот, он уткнулся в него и зата-

раторил:

– Травмы: ранения, ожоги, переломы?

– Лисята, – ответила я.

– Сколько и где? – продолжил теневик. – Голова, грудь, живот? Конечности?

– Одна, все части тела на месте, но она очень маленькая. – Вытянув шею, я заглянула в длинный белый коридор за спиной парня.

Может, там есть кто без блокнота?

– Небольшая... – записал карандашом теневик. – Голова, грудь, живот... – Тут он запнулся и вытаращился на меня: – А где?..

– Что?

– Повреждения.

– Нету.

– А что есть? – нахмурился теневик.

– Лисенок, энфилд.

Парень окончательно завис, листая блокнот.

– Лисенка? Энфилд, энфилд... Что за болезнь такая? – едва слышно пробормотал он.

– Незаразная. А где доктор? – спросила я.

– Третий кабинет, прямо по коридору, вторая дверь справа, стучать, – протараторил дежурный.

Обогнув парня, я проскользнула в белый коридор, освещенный заряженными магией продолговатыми лампами. У двери кабинета доктора меня догнал дежурный. Вытянув

руку через мою голову (чем их тут кормят, что все такие высокие), постучал.

– Доктор Джеймс, к вам посетитель с лисенкой-энфилдом! – отчеканил он.

– С лысинкой от зубов энфилда? – заинтересованно спросил старческий голос. – Давно у меня покусанных элементами не было! Входите!

– Да, сэр! – гаркнул дежурный и затолкал меня в кабинет.

Я оказалась в светлом помещении с отгороженной ширмой смотровой, застекленными шкапами с пузырьками и свертками разного размера и большим столом с аккуратно разложенными папками.

За ним сидел седой худощавый старичок в настолько белоснежной мантии, что хотелось прищуриться. Напротив него, на втором стуле, восседала горгулья. Морда этой статуи напоминала собачью, крылья были растопырены, им явно мешала спинка. Каменный монстр сортировал охлаждающие артефакты. Обычные люди их используют для охлаждения напитков, а доктора – для прикладывания к ушибам.

Доктор Джеймс отложил карандаш и приветливо улыбнулся:

– Показывайте вашу лысинку.

Я сняла с плеча ремень, расстегнула замок на рюкзаке и повернула, показывая подрагивающего лисенка старичку.

– Солнце и тени, какая прелесть! – обрадовался он.

Горгулья скептически покосилась на рюкзак и пожала

плечами. А доктор Джеймс с неожиданной прытью выскочил из-за стола, уволок меня за ширму, осторожно вынул энфилда вместе с тряпкой и посадил на кушетку. Лисенок заскулил, попытался отползти ко мне.

– Тихо, маленькая, это не больно, – склоняясь над крохой, проворковал доктор.

Узловатые длинные пальцы погладили черно-бело-рыжую шерстку, прошлись по крохотному тельцу. Ладони старика засветились золотисто-белым сиянием, солнечная магия окутала энфилда. Он испуганно задрожал, а потом зажмурился от блаженства.

Я исподтишка любовалась работой старика и немного завидовала. В нашей семье, кроме теневых магов и нейтральных, были целители, и в детстве я мечтала, что однажды у меня проснется солнечная искра. Но проснулась нейтральная.

Когда в наш мир через разломы пришла магия, она разделилась на три направления: тeneвая, солнечная и серая. Первую еще называют темной, вторую светлой, а серую – нейтральной. Самыми яркими представителями тeneвиков являются боевые маги. Солнечных – лекари. А нейтральных – бытовики.

К темным относят и магов-проклятийников, которые так нужны мне, и магов крови. Зато у солнечных есть магия ауры. У тeneвиков – деструкторы, у светлых – созидатели. У тeneвиков – маги сдерживания, у солнечных – способные прожечь светом любой барьер. У этих двух направлений ча-

сто встречаются маги с противоположными способностями. С нейтральными все скромнее: умение работать с чужой магией – самое распространенное.

Возникло такое многообразие не случайно, и люди оказались куда чувствительнее к магии, чем звери. В итоге у элементарей магия одного направления. А у людей есть искры сразу всех трех. Правда, одновременно они пробуждаются очень редко.

Легенды утверждали, что во времена первых разломов у всех магов была и солнечная, и тeneвая, и серая магия.

Но то древние времена! Сейчас магия двух направлений у одного мага – большая редкость. Пробуждается только одно.

Если пробуждается.

У меня серая магия, а у брата ее вообще нет, хотя мы близнецы. У них чаще всего магия противоположных направлений (солнечная и тeneвая) или одного. Но бывает так, как у нас: я нейтральный маг, а Бернард не маг.

– Ну вот, милочка, вот вам полный набор для ухода и инструкция. – Пока я размышляла, доктор Джеймс закончил колдовать над лисичкой и теперь протягивал мне наскоро набросанный на листе список.

Энфилд тихо посапывал, уютившись в гнездышке из тряпки. Горгуля носилась по кабинету, вытаскивая из шкафов какие-то пузырьки и свертки, и складывала их в мой рюкзак.

Я взяла список у доктора.

– Все по инструкции, раз в неделю ко мне. – Доктор с теплой улыбкой покосился на сопящего лисенка. – Руби поможет с едой, заодно проконтролирует.

Горгуля согласно рыкнула в ответ.

У горгульи есть имя? Доктор оригинал. Обычно оживленным магией големам имена не дают.

– Все понятно? – Доктор Джеймс показал на лист в моей руке.

Быстро просмотрев список, я кивнула. Понятно. Кормить по часам, следить, чтобы не переохладилась. Давать микстуры. Разминать лапы на свежем воздухе можно только в теплую солнечную погоду – в остальную закутывать и укрывать. И лапы, и остальные части.

Очень надеюсь, что занятия для обменных адептов будут рядом с общежитием. Иначе рюкзак с лисенком и караван пузырьков станут моими постоянными спутниками.

– Не беспокойтесь, дорогая, вам попался на удивление крепкий щенок энфилда. – Доктор истолковал мой задумчивый вид по-своему. – Руби, пусть дежурный проводит.

Поблагодарив старика, я сунула инструкцию в карман платья, взяла на руки укутанного в ткань лисенка. Прикрыла его свободным концом тряпки.

Доктор Джеймс довольно улыбнулся, усаживаясь за стол. Горгуля с моим рюкзаком наперевес первой выпорхнула из кабинета.

Дежурный дремал, прислонившись к стене у входной двери. Из кармана его мантии выглядывал край блокнота и карандаш. Горгулья грозно нахмурилась, бесшумно опустилась на пол и рыкнула точно в ухо боевика.

– Травмы, ожоги, руны! Раны! – выпалил он, подпрыгивая и открывая глаза одновременно.

Руби ехидно скривила собачью морду, показала на меня пальцем и что-то нараспев прорычала.

– Довести, ознакомить. Будет сделано! – прекрасно понял ее теневик. Он забрал у горгульи рюкзак и открыл дверь.

Прижимая к себе сопящую лисичку, я вышла в ночь, окутанную ароматом цветущей яблони.

Дежурный, явно обрадованный внезапной прогулкой, сразу забубнил:

– У нас несколько казарм. Женская одна. Мужских три. Для семейных – коттеджи.

– Семейных адептов? – удивленно переспросила я, стараясь не отставать от быстро шагающего по дорожке теневика.

– Для преподавателей семейных, у которых жены тут работают, – пожал плечами дежурный. – В каждой казарме...

Теневик ответственно отнесся к приказу горгульи ознакомить меня с устройством института. Точнее, с устройством быта студентов.

Я узнала, что казармы одноэтажные. Что в каждой есть общие душевые и уборные. Что селят адептов по пять человек в комнате. Переселиться или обменяться местом нель-

зря. В каждой казарме есть чулан со всякой всячиной вроде тряпок, ведер и лестниц и отдельные классы для самостоятельных теоретических занятий. Что практические навыки надо отрабатывать на учебном полигоне. А кормят в столовой, она рядом с казармами. Кормят хорошо, сытно. Три раза в день.

– Если повезет, – поморщился мой провожатый.

– Это как? – Я в недоумении покосилась на марширующего теневика.

Мы как раз свернули на очередную боковую дорожку, и я начала подозревать, что зря раньше считала, что неплохо ориентируюсь на местности.

– Просто. Попадешь к Эмерсону, считай, на диете, – со смешком ответил теневик.

Только вот мне что Эмерсон, что ясень с дубом, мимо которых мы прошли, все одно.

– Кто он такой? – спросила я, пряча высунувшееся ухо лисенка под тряпку.

– Замректора, тренер нашей команды, преподаватель, – пояснил теневик. – У него главное – его занятия, а еда подождет.

Вполне ожидаемо. Вон как он парней строил!

Мы остановились у двери длинного одноэтажного здания. У входа сидела горгулья. Для разнообразия скульптор сделал ее вполне симпатичной, чем-то напоминающей гибрид кошки и человека с крыльями.

– По обмену, – выдал теневик, едва глаза статуи зажглись зеленым огнем.

Горгулья недовольно рыкнула.

– Я откуда знаю, где ее носило? – огрызнулся парень, отдавая ей рюкзак.

Отсальютовал мне и неторопливо, так, что ноги заплетались, побрел прочь от казармы.

Каменная комендантша вопросительно уставилась на меня.

– Ну... – Как бы объяснить попроще? – Мне случайно забыли сообщить время отправки... и я отправилась с вашей командой.

Горгулья рыкнула. Кажется, спросила: «Так это ты, что ли?» – и показала лапой на свой медальон, в котором, очевидно, тоже была спрятана линза.

Я на линзе? Ну да – я на всех линзах. Похоже, становлюсь знаменитостью.

Горгулья снова рыкнула, в этот раз приглашая, и открыла дверь.

Пока мы шли по длинному коридору, она на пальцах, буквально тыкая передней лапой в таблички на дверях, объясняла, что и где находится. Жилых комнат было всего шесть. Занято пять. Все на одной стороне. Удобства в конце коридора. Там же чулан. Классы напротив жилых комнат. Их три.

Меня поселили с адептками первого курса. Три имени на табличке промелькнули перед носом: провожатая затол-

кала меня в темную комнату, всучила рюкзак и закрыла дверь.

Пока я хлопала глазами, пытаюсь привыкнуть к царящей вокруг черноте, с противоположной стороны коридора донесся стук. Кажется, стучали каменными когтями.

– Занимаюсь! – отозвался сердитый девичий голосок.

Потом снова стук. И второй голосок:

– Ну что тебе на крыльце не сидится?

Третья девушка начала возмущаться еще до стука:

– Сама же сказала запирается, если не хотим, чтобы нам мешали заниматься?

В рыке горгульи прозвучало что-то вроде: «Вы когда спать думаете, полоумные? Сидят и сидят всю ночь напролет!»

Вот это рвение к знаниям!

Восхитившись упорством девушек, занявших оборону в классах, я всмотрелась в темноту. Мерцающий голубой огонек обнаружился рядом с дверью. Опустив рюкзак на пол, я переложила лисенка в одну руку, второй легко дотронулась до магического выключателя.

Если комната общая на несколько человек, освещение должно регулироваться.

От моего легкого прикосновения слева под потолком тускло загорелся светильник, напоминающий обычный шар на ножке. Я озадаченно нахмурилась и снова коснулась голубого огонька, добавляя освещения.

Кровати в количестве пяти штук, столько же тумбочек,

два шкафа, закрытые вертикальными шторами окна, тоже два.

А вот соседок ни одной!

На то, что тут кто-то живет, указывал кусок плотного зеленого тента в углу у шкафа, такими закрывают от дождя летние веранды. И мой чемодан.

А не мои ли соседки усердно учатся?

Присмотревшись к кроватям, я заметила на деревянных спинках таблички с именами.

Отлично! Не придется отвлекать соседок от учебы!

Осторожно уложив лисенка на подушку кровати с моим именем, я разобрала вещи и быстро сбегала в душ. Пока осваивала кабинки с дверцами и плохо отрегулированные заклинания подогрева воды (самая горячая вода была как прохладный летний дождь), комнату навестила Руби.

Когда я вошла, горгулья кормила лисенка кашей из перемолотого мяса и микстуры.

Меня кормить никто не собирался, вместо еды горгулья вручила расписание. Согласно ему, завтра, в семь утра, меня вместе с остальными обменными студентами ждала проверка навыков у... Эмерсона. Пометка надеть брюки настояживала.

В ответ на вопрос «Зачем?» горгулья пожала плечами. А потом, оставив объевшегося лисенка на подушке, вылетела через окно.

Вытащив из недр чемодана артефакт-будильник, напоми-

нающий карманные часы, я выставила время, покрутив колесико, и заползла на кровать. Больше всего на свете я боялась придавить во сне ушастую малышку. В итоге так и уснула, скрючившись рядом с ней.

Глава 6

Мне снился политый из артефакта Стейн. С него текло и капало. И хотя он стоял в стороне, вода попадала точно на меня!

Смахнув с лица капли, я проснулась. Теневик исчез, а вот льющаяся на голову вода – нет! Пижама и волосы липли к коже. Перчатки, в которых я во избежание внезапных приступов честности у окружающих легла спать, радовали сухостью, потому что их защищала магия. К боку жался дрожащий горячий комок.

Закопаю шутника!

Подняв руку, я направила оранжевые огоньки на выключатель.

Свет вспыхнул ярко. Вокруг засверкало и заблестело. В воздухе засияли крохотные радуги. С потолка текло и журчало, журчало и текло. Красивыми ровными струями. И никаких туч.

Вода плескалась по полу, текла по шкафам, сбегала по тумбочкам. Ливень щедро поливал меня и лисенка, полоскал вещи. Будильник прощально позвякивал, его защита не рассчитана на то, что его будут топить посреди спальни.

Полуночным плаваньем мы с лисичкой занимались в гордом одиночестве – соседки так и не появились.

Вот, значит, кто устроил мне ночной ливень... Утоплю

всех трех!

Запахнув дрожащую лисичку за пазуху, я всмотрелась в доски потолка.

Ливень сотворили, испортив заклинание для освежения воздуха, и самое паршивое, поправить его можно было только снаружи. С крыши.

Энфилд тихо заскулил, и я решила, что вначале дети, потом заклинания. И напоследок знакомство с соседками – не люблю оставаться в долгу. А тут явно огромный такой долг нарисовался!

Шлепая босыми ногами по лужам, я выплыла в коридор. Под мелодичный звук падающих с меня капель добралась до входной двери и выглянула наружу. Но закон подлости действовал: горгульи у крыльца не наблюдалось. Вернувшись, я внимательно оглядела таблички жилых комнат. Выбрала ту, где было одно имя: Изабель Дженс, четвертый курс.

На стук открыла сонная брюнетка в алом пеньюаре из тончайшего агдарского шелка, расшитом дааранским жемчугом, самым дорогим из всех. Смерив меня недовольным взглядом, она буркнула:

– Полотенце занять?

– Да. И ребенка оставить, пока я заклинание поправлю и с соседками познакомлюсь. – Я вытащила трясущегося лисенка из-за пазухи.

Выдержать такую дозу умиления не выйдет ни у кого... Ни у кого, кроме брюнетки. Скривившись, она зевнула.

– Ладно, оставь на кровати. Полотенца в шкафу, слева на верхней полке.

И отступила, пропуская в комнату.

Внутри царил творческий беспорядок, в простонародье бардак. Вещи Изабель были раскиданы по всем пяти кроватям, на тумбочках теснились расчески, щипцы для завивки, куча пузырьков. Для чего они, оставалось только догадываться. У шкафа были свалены учебники, тетради и листы чистой бумаги.

Изабель сразу же рухнула на кровать и снова сладко зевнула.

Стараясь не наступить на разбросанные по полу туфли, ботинки и сапоги, я добралась до шкафа и вытащила полотенце. Вытерла лисенка и устроила в гнезде из одеяла на ближайшей кровати.

– Брось на спинку! – махнула рукой брюнетка, заметив, что я не знаю, куда деть мокрое полотенце. И, посмотрев на наманикюренные пальцы, добавила: – Мне, конечно, фиолетово, но ты лучше сразу иди со своими зубрилами ругайся, что они не предупредили про ливень. Все равно не сможешь заклинание на комнате исправить. Лучше требуй у них, чтобы подвинулись: классы большие – места хватит. Скажешь горгулье, что они там поселились, а не учатся, она всех обратно под дождь переселит.

Вот именно, и меня с ними.

– Значит, ливень – это не они? – Я повесила полотенце

на спинку.

– Нет, конечно! Куда уж им! – хмыкнула Изабель, заворачиваясь в одеяло, почти как мой лисенок в тряпку. – Ливень – это Эмерсон, учит их выживать в любых условиях. Или решай проблему, или терпи. – Последние слова она сказала грубым голосом, явно передразнивала тренера.

Погладив лисичку, я прикрыла ее краем одеяла и направилась к двери.

– Ты куда? – спросила Изабель, высовывая голову.

– Решать проблему.

– А как же попроситься на ночлег ко мне? – В голосе брюнетки была досада.

Я обернулась, держась за дверную ручку.

– А надо было попроситься? – Просто интересно, в чем подвох? То советы раздает, теперь на постой зовет?

– Можно было, – уклончиво отозвалась она, садясь на кровати. – За символическое пожертвование или услугу.

Я поперхнулась воздухом.

– И что я тебе должна за полотенце и кровать для лисенка?

– Ничего, – развела руками Изабель. – Но если решишь сама ко мне на ночь попроситься, договоримся.

– Не, я пока по старинке, закливание посмотрю, – отказалась я от сомнительного торга.

– Откуда такая? Из солнечных, что ли? По обмену? – фыркнула Изабель.

– Из бытовиков, – хмыкнула я.

– Гм! А бытовые заклинания умеешь портить?

Очевидно, брюнетка почуяла возможного партнера по услугам.

– Нет! Только чинить! – отказалась я от чести подработать на адептах, выходя в коридор.

– Ну и зря! – донеслось мне вслед.

Прежде чем лезть на крышу, я сплавала в свою комнату. Отыскав в шкафу (внутри он тоже оказался мокрым, потому что там тоже текло и капало) рубашку, брюки и холодные сапоги на плоской подошве, сходила в душевые. Подсушила вещи и себя артефактом для сушки волос – его встроили в стену, видимо, во избежание умыкания в особо дождливые комнаты. Переделалась. Поправляя перчатки, открыла дверь на улицу и натолкнулась на внимательный взгляд горгульи.

– Я воздухом подышать. Пробежка утренняя, – попыталась на ходу придумать причину прогулки.

– Утро – с пяти тридцати утра! – четко послышалось в ответном рыке горгульи. – До пяти у себя! Только дежурные!

Я потерла мочку уха: как это? Я ее понимаю?

Кошачья морда скривилась, горгулья вздохнула:

– Эх ты, маг!

– На вас какое-то заклинание? Переводчик? – Я вытянула шею, разглядывая собеседницу. – Только срабатывает не сразу? Нужно привыкнуть к тому, что он переводит, да?

Горгулья кивнула и захлопнула дверь перед моим носом.

Эх, а я почти поняла, какое из опутывающих ее заклина-

ний переводит ее рык!

Так... Заклинание!

Либо я остановлю дождь, либо Изабель получит свой доход. Но проще в душевой поселиться или прямо в коридоре! Или выселить соседок из классов.

Прикидывая возможные места заселения обменной адепки, я дошла до конца коридора. Окно было огромным. И ни одной «звенелки» или хотя бы небольшой «дребезжалки». Неужели тут все адепты такие послушные?

Взобравшись на подоконник, я распахнула створки и выпрыгнула на газон. Пройдя вдоль стены до своего окна, посмотрела на текущую с внутренней стороны по стеклу воду и вскарабкалась на подоконник.

Заклинание для освежения воздуха в помещении выныривало из рамы, обвивало водосточную трубу и убегало на крышу.

Цепляясь за неровности каменной кладки и проклиная бытовика, придумавшего для лучшей аэрации выводить часть заклинания повыше, я повисла на водосточной трубе. Не крыша, но носки сапог до подоконника уже не достают. Залезть не выходит, спрыгнуть стыдно.

– Попалась рыбка, – присвистнуло сбоку. И тут же разда-лось сердитое: – Мартина, какого зомби ты тут висишь?

Я скосила глаза, пытаюсь понять, кто меня застукал.

У стены стоял Змей. Черная короткая мантия с цифрой «пять» делала его практически невидимым в ночном полу-

мраке.

– Мышка, в окно второго этажа обычно ползут при наличии этажа, – насмешливо просветил он.

– А при наличии ливня в комнате ползут на крышу, – пропыхтела я.

– Тебя в испытательную поселили? – нахмурился Стейн.

– Куда? – Я дернулась, пытаюсь забраться.

– Комнату, куда первокурсников селят. Там всякие сурпризы от преподав. В воспитательных целях. – Голос Змея прозвучал за спиной, мой нижний компас для неприятностей подперли две широкие ладони.

Хорошо так подперли! Теплые такие ладони. А потом еще и вверх подтолкнули.

– Ты чего замерла? – насмешливо спросил Стейн. – Ползи. Я тебе не табуретка.

Я поползла, мысленно представив, что я неумелый альпинист, а снизу ни разу не руки, а такое снаряжение, затаскивательное. С небольшим подогревом.

Стейн затолкал меня на крышу и ловко забрался сам.

– Ну? Давай твори, надо же мне знать причину, почему я внезапно ослепну и не замечу тебя на патрулируемом участке? – Он уселся на скат.

Вот почему нет ни «звенелок», ни «дребезжалок»! Территорию патрулируют.

– А ты точно не заметишь? – Я высматривала в ночном полумраке квадрат плетения освежающего заклинания на че-

репице.

– Темно, – пожал плечами Змей.

Ну да, а заклинания ночного видения – для слабаков.

Я усмехнулась, запуская пальцы в плетение, когда-то направленное на освежение воздуха, а сейчас – на конденсацию и выброс воды.

Портили заклинание капитально и с умом. Исправить без бытовика сложно. Но отключить незапланированные осадки вполне возможно. А потом вытереть потоп вручную.

К счастью, я была именно магом прикладной магии.

Оранжевые огоньки слетели с моих пальцев, нырнули в серое плетение чужого заклинания. Я меняла местами перепутанные нити, добавляла новые вместо порванных, вплетала свои. Потому что видела, что под них явно имелось место, но их почему-то не добавили. Наверное, в целях экономии. Я экономить на комнате не собиралась.

Всего пара минут, а я чувствовала себя выжатым лимоном, который еще и прогладили непонятно зачем тяжелым утюгом!

Плетение заклинания загорелось ровным серым цветом с легкими вкраплениями оранжевого. Теперь надо немного подождать, пока исправленное и усовершенствованное плетение уберет воду и высушит вещи и комнату.

Довольная, я посмотрела на задумчивого Змея.

– Мы так и не поговорили, – тихо произнес он.

– А по-моему, поговорили. – Я подобралась к краю крыши

и свесила ноги. – Мы скрываем, что нас поженили. Ты против моего участия в команде.

– Я не против, я не вижу в этом смысла, – поправил он, оказался рядом, подцепил меня под локти, развернул и спустил.

На миг мы зависли лицом к лицу. Забавно, но это было не совсем то, что лететь физиономией к морде горгульи. Точнее, совсем не то...

– Мышка, отвисай! – хмыкнул Стейн. И добавил скороговоркой, всматриваясь в деревья (небольшая рощица отделила женскую казарму от мужских и столовой): – Сейчас ты узнаешь страшную тайну пятого курса и всех горгулий. Быстро становись на подоконник. Толкни створку в верхней части, потом снизу и падай в комнату.

– Еще дозорные? – шепотом спросила я, становясь на подоконник.

– Нет. – Змей отпустил мои руки и исчез за краем крыши.

Я толкнула окно сверху, пнула снизу раму. Створки распахнулись. Я запнулась нога о ногу и села на подоконник. С размаху.

– Мартина, ты там живая? – С крыши свесился Стейн.

– Вроде бы. – Я разогнула ноги и села верхом на подоконник.

Змей тихо ругнулся и исчез.

– О, Леннет! – Из тени деревьев вальняжной походкой выплыл тренер, он же замректора, он же Эмерсон. – Не можете

решить, выходить или заходить? – оценил он мою позу.

– Могу. – Я перекинула обе ноги в комнату и села боком. – Решила свежим воздухом подышать. А вы тоже?

– Я тоже... – Тренер, заложив руки за спину, отступил от окна и посмотрел на крышу. – А дышать вы, Мартина, предпочитаете в компании?

Я удивленно округлила глаза.

– А ты, Стейн, видимо, за неимением балкона, чтобы не портить даме романтический момент, на крышу залез?

– Никак нет, – отозвался Змей, ловко спрыгивая на траву и вытягиваясь по стойке «смирно». – Тень заметил, проверял. Но, очевидно, это была сова. Очень крупный экземпляр.

– Примерно метр шестьдесят, да? – подсказал Эмерсон, смерив меня взглядом. – Крупненькая такая совушка. Темноволосая, местами с синими пестринами, в брюках и с тягой портить чужие заклинания?

Стейн стоял, вытянувшись, и делал вид, что вообще ни разу не понимает намеков. Я тоже постаралась придать лицу удивленное выражение. Судя по скепсису в глазах тренера, вышло не очень.

– Ну что, диверсантка, будем исправлять свою диверсию? – прищурился Эмерсон, подходя к подоконнику. – Заклинание вернуть обратно, нечего мне учебный процесс портить.

– Я не вам порчу! – пробормотала я. – Я ребенка спасаю, ей нельзя переохладиться.

Тренер поморщился.

Змей смотрел на меня круглыми от удивления глазами.

– Ладно, Мартина, уговорили. Стейн, как вернете заклинание на место, организуй переезд семейства в свободную комнату, проверку Леннет прошла. Можно селить туда, куда ее при приезде распределили, – недовольно выдал Эмерсон, заглядывая в комнату: сухую, чистую, без следа потопа.

То есть меня поселили отдельно? А этот... преподаватель приказал горгулье подселить меня в испытательную комнату? Ну и... тренер!

– Не понял, где мои юные боевые девы, свет и надежда первого курса? – Эмерсон перепрыгнул через подоконник, придиричиво оглядел комнату, словно ожидал, что девы обнаружатся под кроватями или в приоткрытом шкафу. – Та-а-ак... Ясно...

Он направился к двери, взялся за ручку и, не оборачиваясь, добавил:

– Мартина, Стейн, хватит столбами прикидываться. Живо на крышу, и чтобы через пятнадцать минут заклинание было как старое!

Ага, как старое. То есть испорченное.

Я вылезла наружу. Змей ловко забрался на крышу, помог вскарабкаться мне. В этот раз обошлось без «табуреток», альпинизма и двусмысленных зависаний нос к носу. Присев у мерцающего магией серого куба, я уныло вздохнула: жалко! Столько работы зря!

– У тебя есть ребенок? – тихо спросил Стейн.

– Да, месяц всего. – Я запустила пальцы в плетение, прикидывая, как бы вернуть осадки, но не портить остальное.

– Почему не сказала? – Голос Змея стал глухим.

– Э-э-э... Ну я сама не знала, что он появится.

Придумала! Я начала вплетать заклинание для поддержания влажности воздуха в теплицах.

– Мышка, ты в своем уме? Как можно не знать, что у тебя есть младенец?

Я озадаченно посмотрела на теневика. На лице Стейна было написано сочувствие и сожаление. Словно он действительно решил, что у меня есть ребенок, и я немного не в себе, раз не помню ничего до его появления.

– Выдохни, Змей, – хмыкнула я, вплетая одну нить за другой. – У моего ребенка хвост и четыре лапы, а еще немного перышек на наружной стороне лап. Она очень маленькая и слабая, ее продали моей сестре, сказав, что это игрушка.

– Тени и солнце, Леннет, у тебя всегда все не как у людей? – рассмеялся Стейн.

– Ну обычно все как у всех, просто сейчас немного больше этого всего происходит... – Я наклонилась ниже: сил почти не осталось, давно так основательно не колдовала.

– Мы ведь решили проблему! – донеслось снизу. Из распахнутого окна вопили хором, в три голоса.

Очевидно, Эмерсон добрался до моих «очень умных» бывших соседок и учинил им грандиозное переселение в зо-

ну ливневых дождей.

– Вы сбежали от проблемы! – прогремел в ответ тренер. – Весьма любопытный ход для будущего боевого мага, не находите? Вас против нежити отправят, а вы бежать, да?

– Вы не сказали, что ее нужно устранить! – напомнила одна из переселенок.

– Этого и не требовалось. Вы сами должны были понять. Мартина, Стейн, вы там гнездо вьете?

– Никак нет! – свесившись с крыши, ответил Змей. – Нет подходящего материала.

– Так слезайте, голубки вы наши! – рявкнул тренер.

Я торопливо соединила последние нити. Вроде получилось. И заклинание не сильно испортила, и приказ Эмерсона выполнила.

При помощи Стейна спустившись с крыши, я бросилась в комнату, собирать вещи. Пока скакала, запихивая в чемодан то, что успела вытащить до потопа, теневик деликатно торчал на улице, разглядывая звезды.

В это время в коридоре тренер отчитывал несообразительную горгулью:

– Никаких круглосуточных обучений! Спать они должны в комнате. Если надо, дежурь у двери!

– Пошли радовать массы пикантным зрелищем появления парня из твоей спальни? – Стейн перепрыгнул через подоконник и придавил чемодан, помогая застегнуть замок.

– Ну... – Я смерила теневика взглядом и взяла рюкзак

с приданным лисички. – Из пикантного у тебя сейчас только легкая щетина. В остальном очень приличный боевой маг на посылках.

– Скорее, на подхвате, – не согласился Змей, подцепил чемодан и подошел к двери. – Второй день тебя знаю, мышка, а все никак не привыкну, что ты все время падаешь.

Поклеп и напраслина!

– Это ты неудачно мимо проходишь!

– Мартина, Стейн, хватит ворковать! Быстро вымелись из помещения!

Рык тренера заставил нас вылететь в коридор.

Три полусонные девицы – блондинка, русая и пепельная – в неглиже, с вещами в руках, жались к дверям комнат, с тоской поглядывая на классы. Горгулья, сердито надув щеки, сверлила изобретательных адептов взглядом. Эмерсон с легкой улыбкой сытого льва взирал на студенток.

– Эту туда. – Он показал пальцем на меня, потом на дверь свободной комнаты. – Этих туда, – взмах вначале в сторону первокурсниц, затем на мои бывшие «апартаменты». – Только в эту комнату и никуда больше. Ясно?

Горгулья понятливо кивнула.

– Вперед, юные дарования. – Эмерсон распахнул дверь, приглашая девушек войти. – Доброй ночи.

– И вам, сэр! – вразнобой ответили адептки, заходя.

– Чего ждем? Благословения? – ехидно осведомился тренер, поворачиваясь к нам.

Благословения мы не ждали. Стейн понес чемодан в комнату, а я постучала к Изабель. Брюнетка открыла сразу, словно не спала, а подслушивала у двери. Карие глаза азартно блестели. Не «будто», а подслушивала.

Выпутав лисенка из одеяла и баюкая его на руках, я вышла и поблагодарила Изабель.

– Пустой звук! – Она пожалала плечами. – Слова в карман не положишь!

И закрыла дверь.

Вряд ли я когда-нибудь пойму ее. А вот папа бы понял и оценил такую дочь. У него все, что не выгода, то прибыль!

Покачивая сонно сопящую лисичку, я зашла в свою новую комнату. Пять кроватей. Одна застеленная. С табличкой. Будто тут можно что-то перепутать. Шкафы, тумбочки, два окна с вертикальными закрытыми шторами.

Стейн придвинул чемодан к моей кровати, почесал лисенка за ухом и улыбнулся:

– Спокойной ночи тебе, лисья мамочка.

– Не папочка же? – Я пожалала плечами, губы сами сложились в ответную улыбку. Все-таки Змей бывает иногда ну очень обаятельным.

Стейн ушел.

Уложив лисичку в гнездо из одеяла, я рухнула рядом.

Подтоплено-высушенный будильник, чудом выживший, неумолимо показывал, что спать мне осталось от силы четыре часа. И их я собиралась потратить с пользой для моло-

дого растущего организма, который после отборочного тура и прилета к теневикам чувствовал себя как старый и дряхлый.

Но стоило закрыть глаза, как за стенкой раздались женские вопли. Упражнялись в полуночном пении первокурсницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.